

Sidney Sheldon

СИДНИ

ШЕЛДОН

ГНЕВ АНГЕЛОВ

*Сидни Шелдон –
писатель №1
в мире!*

Сидни Шелдон Гнев ангелов

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19296688*

Гнев ангелов: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-087820-8

Аннотация

Она – модный преуспевающий адвокат на пике карьеры. Он – «крестный отец» нью-йоркской мафии, расширяющий свою могущественную империю. Они стоят друг у друга на пути – и не потерпят поражения...

Так начинается захватывающая история борьбы, в которой не будет победителей. Но будут победы и поражения, громкие преступления и шокирующие скандалы, большая политика и большие деньги... и, конечно же, любовь!

Содержание

От автора	5
Книга I	7
Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	31
Глава 4	53
Глава 5	72
Глава 6	99
Глава 7	109
Глава 8	133
Глава 9	145
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Сидни Шелдон

Гнев ангелов

Sidney Sheldon

RAGE OF ANGELS

© Sidney Sheldon Family Limited Partnership, 1980

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

*Книга посвящается Мэри, восьмому чуду света,
с любовью*

От автора

Персонажи и события этого романа – плод фантазии автора, однако фон, на котором разворачивается действие, – реален, и я в долгу у тех, кто великодушно помог мне лучше узнать детали. Благодаря этим людям я уловил самую суть событий. Любые фактические или юридические ошибки только моя вина.

Я приношу искреннюю благодарность тем, кто разделил со мной свои знания и опыт юриспруденции: Ф. Ли Бейли, Мелвину Белли, Полу Карузо, Уильяму Хандли, Люку Макиссаку, Луису Найзеру, Джерому Шестаку и Питеру Тафту.

В Калифорнии мне очень помог distinguished Мэтью Берн, член окружного суда Соединенных Штатов.

Особенно я благодарен жителям Нью-Йорка Филу Лешину, бывшему помощнику комиссара по связям с общественностью Департамента исправительных учреждений, который провел меня по Райкерс-Айленду, и Пэту Перри, заместителю начальника тюрьмы на Райкерс-Айленде.

Моя признательность Элис Фишер, за помощь в сборе материалов для этой книги.

И наконец, спасибо Кэтрин Манро, которая терпеливо и доброжелательно в течение почти трех лет более двенадцати раз переписывала и перепечатывала то, что начиналось как двадцатистраничная рукопись.

Сидни Шелдон

*Расскажи нам о тайнах повелителей зла, о
Симон...*

*Их имена запрещено произносить вслух.
Чтобы не осквернить уста смертных,
Ибо вышли они из тьмы нечестивой
И напали на небеса,
Но были изгнаны гневом ангелов...*

Из диалогов острова Хиос

Книга I

Глава 1

Нью-Йорк, 4 сентября 1969 года

Охотники сжимали круг, готовясь прикончить добычу.

Две тысячи лет назад, в Риме, состязания устраивались бы в Цирке Нерона или Колизее, где ненасытные львы кралась к жертве по арене с пропитанным кровью песком, готовясь растерзать несчастных.

Но пришел цивилизованный двадцатый век, и цирк устраивался в зале заседаний номер шестнадцать здания уголовного суда в деловой части Манхэттена.

Роль Светония выполнял секретарь суда, который запечатлевал происходившее для вечности. Кроме того, здесь присутствовали десятки представителей прессы и любопытные, привлеченные броскими заголовками газетных статей, кричавших о суде над убийцей. Эти уже с семи утра толпились за дверью зала заседаний, чтобы занять место.

Добыча, Майкл Моретти, молчаливый красавец лет тридцати с небольшим, сидел за столом ответчика: высокий, стройный, с грубоватым и хищным лицом и черные волосы, уложенными в модную прическу; на выступающем под-

бородке совершенно не к месту красовалась ямочка, а глубоко посаженные, черные как маслины глаза поблескивали. Одет Моретти был в серый английский костюм, светло-голубую рубашку с шелковым темно-голубым галстуком и сверкающие, сшитые на заказ туфли.

Все это время он был неподвижен, если не считать глаз, непрерывно обегавших комнату.

В роли нападавшего на него льва выступал Роберт Ди Силва, свирепый прокурор округа Нью-Йорк, представитель народа. Если Моретти был воплощением неподвижности, то Роберт Ди Силва олицетворял собой поступательную динамику. Он шел по жизни так, словно постоянно бежал с пятиминутным опозданием на назначенную встречу, находился в постоянном движении, боксируя с тенями невидимых противников. Приземистый, крепко сколоченный, с немодно остриженными ежиком седеющими волосами, Ди Силва действительно в юности был боксером, о чем свидетельствовал его расплющенный нос и испещренное шрамами лицо. Однажды он убил на ринге противника и ни разу об этом не пожалел. Несмотря на прожитые годы, ему еще предстояло научиться выражать такую эмоцию, как сочувствие.

Роберт Ди Силва был неистово амбициозен и добился теперешнего положения, не имея ни денег, ни связей. Поднимаясь по карьерной лестнице, он обрел лоск цивилизованного слуги народа, но под этой личиной по-прежнему скрывался уличный хулиган, привыкший драться грязно.

При обычных обстоятельствах окружной прокурор Ди Силва сегодня не сидел бы в этом зале заседаний. У него был большой штат, и любой старший помощник вполне мог выступить обвинителем на этом процессе. Но Ди Силва с самого начала знал, что сам будет вести дело Моретти.

Майкл Моретти был героем первых страниц всех газет страны. Кроме того, он был зятем Антонио Гранелли, *sarò di carì*¹, крестного отца самой большой из пяти главных мафиозных семей восточной части США. Антонио Гранелли старел, и, если верить слухам, Майкла Моретти готовили к тому, чтобы он занял место тестя. Моретти был причастен к десяткам самых разных преступлений – от нанесения увечий и драки до убийства, – но до сих пор ни один окружной прокурор не сумел ничего доказать: слишком много стояло посредников между Моретти и теми, кто выполнял его приказы. Сам Ди Силва потратил три года, пытаясь получить свидетельства против Моретти. И неожиданно ему повезло.

Камилло Стела, один из подручных Моретти, был обвинен в убийстве, совершенном во время ограбления. Ему грозило пожизненное, и только поэтому Стела согласился «запеть». И это была самая прекрасная музыка, когда-либо услышанная Ди Силвой, – песня, которая могла поставить на колени наиболее могущественную на Востоке мафиозную семейку и послать на электрический стул Майкла Моретти, а в результате возвысить Роберта Ди Силву – привести в офис

¹ Босса боссов (*ит.*). – Здесь и далее примеч. пер.

губернатора в Олбани. Другие губернаторы штата Нью-Йорк рано или поздно оказывались в Белом доме: Мартин ван Бюрен, Гровер Кливленд, Тедди Рузвельт и Франклин Рузвельт. Ди Силва намеревался быть следующим.

Время для этого было самое подходящее. Губернаторские выборы должны состояться на следующий год.

К Ди Силве обратился самый влиятельный политический деятель штата:

– При всей той известности, которую вы получаете на этом деле, наверняка станете кандидатом, а потом будете выбраны губернатором, Бобби. Прижмите Моретти, и вы – наш кандидат.

Роберт Ди Силва постарался не рисковать и с величайшей тщательностью готовил дело против Майкла Моретти. Поручил помощникам собирать доказательства, отсекал все законные способы бегства, которые мог использовать адвокат Моретти. Одна за другой намертво заваривались все лазейки.

Почти две недели ушло на то, чтобы выбрать членов жюри присяжных, и окружной прокурор настоял на шести так называемых запасках, которым предстояло заменить основных членов жюри, на случай возможного нарушения закона в ходе судебного процесса. В делах с участием важных мафиозных фигур члены жюри, как известно, имели тенденцию внезапно исчезать или становиться жертвами необъяснимых и фатальных инцидентов. Ди Силва позаботился о том, что-

бы присяжные с самого начала были изолированы и каждую ночь запирались в отдельном помещении, где никто не мог до них добраться.

Главным действующим лицом и козырем обвинения в деле Моретти был Камилло Стела, и этого звездного свидетеля Ди Силвы неусыпно охраняли. Слишком хорошо окружной прокурор помнил пример Эйба Рилиса по прозвищу Вертун, свидетеля со стороны правительства, «выпавшего» из окна шестого этажа отеля «Полумесяц» на Кони-Айленде, несмотря на охрану из полдюжины полисменов. Роберт Ди Силва лично отбирал охранников Камилло Стелы, и до суда заключенного каждую ночь тайно перевозили из одного места в другое. Теперь, когда процесс начался, Стелу держали в изолированной камере, под охраной четверых вооруженных помощников шерифа. Никому не позволялось подойти к камере, ибо готовность Стелы давать показания зиждилась исключительно на вере в то, что окружной прокурор Ди Силва способен защитить его от Майкла Моретти.

Настало утро пятого дня процесса.

А для Дженнифер Паркер это был первый день присутствия в суде. Она сидела за столом обвинителя вместе с пятью другими молодыми помощниками окружного прокурора, которые сегодня утром были приведены к присяге вместе с ней.

Дженнифер Паркер. Стройная темноволосая девушка

двадцати четырех лет, бледная, с умным, подвижным лицом и зелеными задумчивыми глазами. Лицо ее было скорее привлекательным, нежели красивым: на нем отражались гордость, отвага и чувствительность, – такое лицо трудно забыть.

Она сидела, выпрямившись как тростинка, словно готовясь к схватке с невидимыми призраками прошлого.

Этот день для Дженнифер начался катастрофически. Церемония принесения к присяге в офисе окружного прокурора была назначена на восемь утра. Дженнифер еще с вечера приготовила одежду, которую собиралась надеть, и поставила будильник на шесть, чтобы успеть вымыться голову.

Будильник не прозвонил. Дженнифер поднялась в половине восьмого и запаниковала. Она порвала чулки, когда, сломав каблук, упала, и ей пришлось переодеваться. Захлопнув дверь крошечной квартирki, она вспомнила, что ключи остались в комнате. До здания уголовного суда Дженнифер собиралась добраться автобусом, но теперь об этом не могло быть и речи – пришлось взять такси, которое было ей не по карману, и в довершение всего водитель всю дорогу объяснял, почему миру грозит конец.

Когда задыхающаяся Дженнифер прибыла к зданию уголовного суда, на Леонард-стрит, 155, выяснилось, что часы показывают восемь пятнадцать.

В офисе окружного прокурора собрались двадцать пять новоиспеченных адвокатов: многие только что окончили

юридический факультет. Все молодые, энергичные, они так и рвались работать на окружного прокурора округа Нью-Йорк.

Офис впечатлял: он был отделан деревянными панелями и обставлен неброско, но со вкусом – большой письменный стол, три стула перед ним, удобное кожаное кресло для хозяина, стол для совещаний, дюжина стульев, расставленных у стен. Книжные шкафы едва не ломились от юридической литературы.

На стенах висели фотографии в рамках и с автографами Джона Эдгара Гувера, Джона Линдси, Ричарда Никсона и Джека Демпси.

Когда Дженнифер, бормоча извинения, влетела в офис, Ди Силва, произносивший речь, осекся, взглянул на Дженнифер и спросил:

– Какого дьявола вы себе вообразили? Что вас пригласили на чай?

– Мне ужасно жаль, но...

– Плевать мне, жаль вам или нет. И попробуйте еще хотя бы раз опоздать!

Остальные смотрели на Дженнифер, старательно скрывая сочувствие.

Ди Силва, повернувшись к группе, рявкнул:

– Я знаю, почему вы здесь! Вы торчите здесь достаточно долго, чтобы копаться в моих мозгах и выучиться кое-каким юридическим трюкам, и воображаете, будто в свое время,

когда наберетесь достаточно опыта, сбежите отсюда, чтобы стать крутыми адвокатами по уголовным делам. Но среди вас может быть один, повторяю: может быть один, который окажется достаточно хорош, чтобы когда-нибудь занять мое место. – Выговорившись, Ди Силва кивнул помощнику: – Приведите их к присяге.

Молодые люди тихо повторяли слова присяги.

Когда церемония закончилась, Ди Силва заявил:

– Все в порядке. Теперь вы полноправные сотрудники суда, помогите нам, Боже. В этом офисе ведутся все главные дела. Но не питайте слишком больших надежд. Вам придется по уши зарыться в документы, бумаги и справочники, а также в ордера, повестки и многое другое – словом, вас ждет все то, чему не учили на юридическом факультете. Если вам и доверят вести дело, то не раньше чем через год-другой.

Ди Силва принялся раскуривать короткую толстую сигару. Потом он предложил:

– Сейчас я выступаю обвинителем по делу. Кое-кто из вас мог даже читать об этом. – Каждое его слово буквально сочилось сарказмом. – Я мог бы использовать человек шесть. Будете выполнять мои задания. Кто возьмется?

Дженнифер подняла руку первой. Ди Силва слегка поколебался, прежде чем выбрать ее и еще пятерых.

– Спускайтесь в зал номер шестнадцать.

Перед уходом всем раздали удостоверения.

Дженнифер вовсе не была обескуражена манерой разгово-

ра Ди Силвы – в конце концов, он должен быть жестким, такая работа. А теперь и она работает на него! Подумать только, она в штате окружного прокурора округа Нью-Йорк! Бесконечные тоскливые годы рутины юридического факультета остались позади. Ее преподаватели каким-то образом сумели представить закон чем-то застывшим и абстрактным. Но Дженнифер всегда умудрялась видеть землю обетованную, которая ждала ее за скукой и зубрежкой: истинный закон, который имеет дело с реальными людьми и их врагами. Дженнифер закончила второй в своей группе, и ее имя упомянули в специализированном журнале. Она сдала квалификационный экзамен с первой попытки, хотя треть тех, кто сдавал вместе с ней, провалились. И поэтому чувствовала, что понимает Роберта Ди Силву и сможет выполнить любое его поручение.

Дженнифер хорошо подготовилась, зная, что под руководством окружного прокурора работало четыре бюро: одно занималось судебными процессами, второе – апелляциями, третье – шантажом и вымогательствами, и четвертое – мошенничеством. Оставалось гадать, куда назначат ее. В Нью-Йорке было свыше двухсот помощников окружных прокуроров и пять окружных прокуроров, по одному на каждый район. Но самым важным и главным, конечно, оставался Манхэттен, где окружным прокурором был Роберт Ди Силва.

И вот Дженнифер сидела в зале суда за столом обвинителя, наблюдая могущественного, безжалостного инквизитора

Ди Силву за работой. Неизвестно почему, она вдруг перевела взгляд на ответчика, Майкла Моретти.

Несмотря на все, что писали о нем в прессе, Дженнифер не могла поверить, что Майкл Моретти – убийца. По ее мнению, он выглядел как кинозвезда в декорациях судебного зала заседаний. Он по-прежнему сидел неподвижно, и только глаза выдавали смятение, которое он испытывал. Глаза его метались, изучая каждый уголок зала, словно Моретти пытался найти способ сбежать. Но выхода у него не было. Об этом позаботился Ди Силва.

На место свидетеля вызвали Камилло Стелу. Наверное, в прошлой жизни Стела был хорьком: узкое лицо со впалыми щеками, тонкими губами и желтыми резцами. Бегающие глазки, уклончивый взгляд вызывали недоверие собеседника еще до того, как Стела успевал открыть рот. Ди Силва прекрасно видел недостатки своего свидетеля, но какое значение они имели? Главное – то, что мог рассказать Стела. У него в запасе были ужастики, которых никто раньше не слышал, причем не вызывавшие ни малейшего сомнения в их правдивости.

Окружной прокурор подошел к месту для свидетелей, где Стелу приводили к присяге.

– Мистер Стела, я хочу, чтобы жюри присяжных стало известно, что вы не являетесь добровольным свидетелем и, чтобы убедить вас дать показания, штат согласился позво-

лить вам апеллировать к его представителям с просьбой дать меньший срок за неумышленное убийство, в котором вы обвиняетесь. Это правда?

– Да, сэр.

Правая рука Стелы нервно подергивалась.

– Мистер Стела, вы знакомы с ответчиком Майклом Моретти?

– Да, сэр, – пробормотал свидетель, старательно отводя глаза от стола стороны защиты, где сидел Моретти.

– Какова была природа ваших отношений?

– Я работал на Майка.

– Сколько лет вы знаете Майкла Моретти?

– Около десяти, – едва слышно выдохнул свидетель.

– Не могли бы вы говорить погромче?

– Около десяти лет.

Теперь у него дергалась шея.

– Можете ли вы сказать, что были в его ближайшем окружении?

– Протестую, ваша честь! – воскликнул Томас Колфакс, вскакивая. Адвокат Майкла Моретти был высоким мужчиной лет за пятьдесят с серебряными волосами, он занимал должность consigliere² Синдиката и считался одним из самых опытных специалистов по уголовным делам в стране. – Окружной прокурор пытается задать свидетелю наводящий вопрос.

² Советник (*ит.*).

– Вопрос снят, – коротко бросил судья Лоуренс Уолдман.

– Хорошо, сформулирую иначе. В каком качестве вы работали на мистера Моретти?

– Я был типа того, что вы называете агентом по улаживанию конфликтов.

– Не могли бы вы описать свою работу чуть подробнее?

– Ага. Если возникала проблема... кто-то вел себя неправильно, Майк приказывал мне пойти и вразумить его.

– И как вы это делали?

– Сами знаете: силой.

– Не могли бы вы привести пример такого улаживания для жюри?

Томас Колфакс снова вскочил:

– Протестую, ваша честь. Подобная линия допроса ни к чему не ведет.

– Отклонено. Свидетель может ответить.

– Ну... Майк занимается и ростовщицеством... в том числе, верно? Пару лет назад Джимми Серрано просрочил взносы, и Майкл послал меня проучить Джимми.

– И в чем же заключался урок?

– Я переломал ему ноги. Чтобы неповадно было. Видите ли, – серьезно объяснил Стела, – если спустить одному, все сорвутся с цепи и попробуют сделать то же самое.

Роберт искоса поглядывал на потрясенные лица присяжных, изучая их реакцию.

– Каким еще бизнесом, кроме ростовщицества, занимался

Майкл Моретти?

– Иисусе! Легче сказать, чем он не занимался.

– Мне все же хотелось бы, чтобы вы перечислили, чем он занимался.

– Ага. Ну... у него хорошие связи с профсоюзом портовых рабочих. То же самое с производством одежды. Майк занимается игорным делом, музыкальными автоматами, сбором мусора, поставками белья... все в таком роде.

– Мистер Стела, Майкла Моретти судят за убийство Эдди и Альберта Рамосов. Вы давно их знали?

– Ясно дело, знал.

– И присутствовали при их убийстве?

– Ага.

Все тело свидетеля судорожно подергивалось.

– Кто именно их убивал?

– Майк.

На секунду взгляды Моретти и Стелы встретились, и последний поспешно отвел глаза.

– Майкл Моретти?

– Точно.

– Как объяснил вам ответчик причину убийства братьев Рамос?

– Ну... Эдди и Ал вели книгу для...

– Речь о букмекерской операции? О нелегальном тотализаторе?

– Ага. Майк узнал, что они крысятничают. Ну и сказал,

что нужно их проучить, поскольку они были его парнями, ясно? Он подумал...

– Протестую!

– Протест принимается. Свидетелю лучше придерживаться фактов.

– Факт в том, что Майк велел мне пригласить парней...

– Эдди и Альберта Рамосов?

– Ага. На маленькую вечеринку в «Пеликане». Это частный пляжный клуб.

Правая рука Стелы снова стала подергиваться, и он, осознав это, прижал ее левой.

Дженнифер снова уставилась на Моретти. Тот бесстрастно наблюдал за происходящим, ничем не выдавая своих мыслей.

– И что там произошло, мистер Стела?

– Я заехал за Эдди и Алом и повез их на автостоянку. Там уже ждал Майк. Когда парни вышли из машины, я отошел в сторону, и Майк грохнул обоих.

– Вы видели, как братья Рамос упали на землю?

– Да, сэр.

– И они были мертвы?

– Ну... их точно похоронили, как мертвых.

По залу пронесся шепоток. Ди Силва подождал, пока восстановится тишина.

– Мистер Стела, вы сознаете, что этими показаниями обличаете сами себя?

– Да, сэр.

– И то, что вы находитесь под присягой, а на карту поставлена жизнь человека?

– Да, сэр.

– Итак, вы своими глазами видели, как ответчик Майкл Моретти жестоко пристрелил двух человек, потому что они утаивали от него деньги?

– Протестую! Обвинитель задает наводящие вопросы свидетелю!

– Протест принят.

Окружной прокурор Ди Силва снова бросил взгляд на присяжных, и увиденное послужило лучшим доказательством того, что дело выиграно. Он повернулся к Камилло Стеле:

– Мистер Стела, я знаю, что от вас потребовалось немало мужества, чтобы прийти в зал заседаний и дать показания. От имени граждан штата я хотел бы поблагодарить вас. Мистер Колфакс, ваша очередь допрашивать свидетеля.

Томас изящно поднялся.

– Благодарю вас, мистер Ди Силва. – Взглянув на настенные часы, он повернулся к судейской скамье. – Прошу прощения, ваша честь, сейчас почти полдень. Я бы предпочел, чтобы перекрестный допрос не прерывали. Могу я попросить, чтобы суд удалился на ленч, после которого я допрошу свидетеля?

– Прекрасно!

Судья Лоуренс Уолдман ударил молотком по столу:

– Перерыв заседания до двух дня.

Все присутствующие встали, дожидаясь, пока судья выйдет из зала. За ним потянулись присяжные. Четверо вооруженных помощников шерифа окружили Стелу и вывели в комнату свидетелей, дверь которой находилась рядом с главным входом в зал.

Репортеры мгновенно осадили Ди Силву.

– Вы сделаете заявление?

– Как, по-вашему, идет процесс, господин окружной прокурор?

– Как вы собираетесь защитить Стелу, когда все закончится?

Будь процесс рядовым, Ди Силва не потерпел бы вторжения журналистов в зал заседаний, но, учитывая политические амбиции, приходилось привлекать прессу на свою сторону, поэтому он из кожи вон лез, стараясь быть любезным.

Дженнифер Паркер продолжала сидеть, наблюдая, как окружной прокурор отвечает на вопросы репортеров.

– Надеетесь на обвинительный приговор?

– Я не ясновидящий, – скромно заявил Ди Силва. – Приговор выносят присяжные, леди и джентльмены. Им предстоит решить, виновен мистер Моретти или нет.

И тут Моретти медленно поднялся. Выглядел он при этом спокойным и даже расслабленным. «Совсем как мальчиш-

ка», – пришло на ум Дженнифер. Почти невозможно было поверить, что он виновен в кошмарных преступлениях, о которых тут говорилось.

«Если бы мне пришлось выбирать преступника, – подумала Дженнифер, – я бы выбрала Вертуна Стелу».

Репортеры наконец разошлись, и в зале остались Ди Силва и его ближайшие помощники. Дженнифер отдала бы все на свете, чтобы слышать, о чем они говорят.

И тут один человек сказал что-то прокурору, отошел от группы, окружавшей его, и поспешил к ней. В руке у него был большой конверт из плотной бумаги.

– Мисс Паркер?

– Да... – ответила Дженнифер с некоторым удивлением.

– Шеф хочет, чтобы вы отдали это Стеле. Пусть освежит свою память насчет этих дат. Сегодня Колфакс постарается камня на камне не оставить от его показаний, и шеф желает убедиться, что Стела его не подведет.

Он отдал конверт Дженнифер, и та взглянула в сторону Ди Силвы.

Он запомнил ее имя. Это внушило надежду.

– Вам лучше поторопиться. Окружной прокурор не слишком уверен в способностях Стелы быстро усваивать материал.

– Да, сэр.

Дженнифер поспешила к двери, но дорогу ей преградил вооруженный охранник.

– Офис окружного прокурора, – деловито бросила Дженнифер, показав ему удостоверение. – Мне нужно передать мистеру Стеле конверт от мистера Ди Силвы.

Охранник тщательно изучил удостоверение, открыл дверь, и Дженнифер очутилась в комнате свидетелей, маленьком уютном помещении, где стояли обшарпанный письменный стол, старый диван и деревянные стулья. Рука Стелы по-прежнему сильно дергалась.

Увидев Дженнифер, один из охранников воскликнул:

– Эй! Сюда нельзя!

– Все в порядке! – крикнул тот, что стоял у двери. – Она из офиса окружного прокурора.

Дженнифер протянула Стеле конверт.

– Мистер Ди Силва просил вас освежить память относительно этих дат.

Стела удивленно моргнул, продолжая дергаться.

Глава 2

Выходя из здания суда на ленч, Дженнифер миновала открытую дверь зала заседаний и не устояла перед искушением на минутку туда зайти. В глубине зала у каждой стены имелось по пятнадцать рядов скамей для наблюдателей. Перед судейской скамьей протянулись два длинных стола. На том, что слева, была табличка «Обвинитель», на том, что справа, – «Ответчик». В ложе присяжных стояло шестнадцать стульев в два ряда. Совершенно обычный зал заседаний. Даже в чем-то уродливый. И в то же время – это самое сердце свободы! Этот зал, как и все другие, олицетворял разницу между цивилизацией и дикарством. Право быть судимым присяжными – это то, что лежит в сердце каждой свободной нации.

Дженнифер подумала обо всех тех странах, в которых не существовало этого права, странах, граждане которых могут быть подняты из постели посреди ночи, подвергнуты пыткам и убиты неизвестными врагами по неизвестным причинам: Иран, Уганда, Аргентина, Бразилия, Перу, Румыния, Россия, Чехословакия... Список был удручающе длинным.

«Если бы американские суды когда-нибудь лишились этой власти, если бы граждан лишили права на суд присяжных, Америка как свободная нация перестала бы существовать».

Постояв несколько минут, она повернулась, чтобы уйти.

Но тут в дальнем конце зала начался шум, становившийся громче и громче, пока не превратился в панические крики. Завыл сигнал тревоги. Дженнифер услышала топот и увидела полицейских с пистолетами наготове, мчавшихся ко входу в здание. Первая мысль была о побеге Майкла Моретти. Каким-то образом ему удалось прорвать заслон охраны!

Она поспешила в коридор. Там царил настоящий бедлам. Люди беспорядочно метались, выкрикивая приказы, заглушаемые звоном колоколов. Охранники, вооруженные автоматами, занимали все выходы. Репортеры, передававшие по телефону репортажи, мчались в коридор – узнать, что происходит. В дальнем конце вестибюля Дженнифер заметила бледного как смерть Роберта Ди Силву. Тот раздавал приказы полисменам.

«Боже! Сейчас его удар хватит», – подумала Дженнифер.

Она протолкнулась сквозь толпу и шагнула к прокурору, решив, что может оказаться ему полезна. В этот момент один из охранников Стелы увидел Дженнифер и, подняв руку, указал на нее.

Ровно через пять секунд Дженнифер была схвачена, скована наручниками и арестована.

В комнате судьи Лоуренса Уолдмана сидели четверо: сам судья, окружной прокурор Роберт Ди Силва, Томас Колфакс и Дженнифер.

– Вы имеете право делать любые заявления исключитель-

но в присутствии адвоката, – сообщил Дженнифер судья, – а также имеете право молчать. Если...

– Мне не нужен адвокат, ваша честь. И я вполне могу объяснить, что случилось.

Роберт Ди Силва наклонился к ней так близко, что она увидела пульсирующую вену на его виске.

– Кто заплатил вам за передачу пакета Камилло Стеле?

– Заплатил? Мне ничего не платили! – дрожащим от негодования голосом воскликнула Дженнифер.

Ди Силва поднял с письменного стола знакомый конверт.

– Никто не платил? Вы просто подошли к моему свидетелю и отдали это?

Он потряс конверт, и на стол выпала желтая канарейка. Шея птички была свернута.

Дженнифер в ужасе уставилась на нее.

– Я... мне дал конверт один из ваших людей.

– Кто именно?

– Я... не знаю.

– Но вы знаете, что это был один из моих людей, – прошипел Ди Силва.

– Да. Я видела, как он говорил с вами, а потом подошел ко мне, вручил конверт и сказал, что вы велели передать его мистеру Стеле. Он... он даже знал мое имя.

– О, в этом я уверен. Сколько он заплатил вам?

«Все просто мне снится, – подумала Дженнифер. – В любую минуту я проснусь, на часах будет шесть утра, и я успею

одеться и принести клятву в офисе окружного прокурора...»

– Сколько? – вырвалось у прокурора с такой яростью, что Дженнифер невольно вскочила.

– Вы обвиняете меня...

– Я обвиняю вас! – Ди Силва сжал кулаки. – Леди, да я еще не начал. К тому времени как вы выйдете из тюрьмы, успеете так состариться, что не сможете потратить эти деньги.

– Не было никаких денег! – с вызовом крикнула Дженнифер.

Томас Колфакс сидел молча, прислушиваясь к разговору, но теперь он счел необходимым вмешаться:

– Простите, ваша честь, но, боюсь, это нас ни к чему не приведет.

– Согласен, – кивнул судья Уолдман. – Бобби, что скажете? Стела готов к перекрестному допросу?

– К перекрестному допросу? Дело гиблое. Он перепуган до смерти и больше не станет давать показания.

– Но если я не смогу допросить свидетеля, ваша честь, – вкрадчиво заметил Колфакс, – значит, придется заявить о нарушении судебного процесса.

Каждый в комнате понимал, что это означает: Майкл Моретти выйдет из здания суда свободным человеком.

Судья взглянул на прокурора:

– Вы сказали свидетелю, что он может быть наказан за неуважение к суду?

– Да. Но Стела куда больше боится своих, чем нас. Он не

верит, что мы сможем и дальше его защищать, – добавил он, бросив злобный взгляд на Дженнифер.

– В таком случае у суда нет альтернативы, кроме как согласиться на требование защиты и объявить о нарушении судебного процесса, – медленно произнес судья.

Роберт Ди Силва стоял, наблюдая, как на его глазах рассыпается дело. Без показаний Стелы у него ничего нет. До Майкла Моретти ему теперь не дотянуться. Зато в его власти оказалась Дженнифер Паркер. И он заставит ее заплатить за все, что она сотворила.

– Я дам указания освободить ответчика и распустить жюри, – объявил судья.

– Благодарю вас, ваша честь, – вставил Томас. Ни в его лице, ни в голосе не было ни малейших признаков торжества.

– Если больше ничего... – начал судья.

– Есть кое-что еще! – Ди Силва повернулся к Дженнифер. – Я хочу, чтобы ее задержали за противодействие правосудию, за незаконное общение со свидетелем, за преступный сговор, за... – бормотал он в бешенстве.

А вот Дженнифер гнев помог обрести голос.

– Вы не сможете доказать ни одно из этих обвинений, потому что каждое лживо. Меня... конечно... можно обвинить в глупости. Но никто меня не подкупал. Я считала, что передаю пакет от вашего имени.

Судья Уолдман взглянул на Дженнифер:

– Какова бы ни была мотивация, последствия чрезвычай-

но неприятны. Я вынужден потребовать, чтобы отдел апелляций предпринял расследование и, если определенные обстоятельства окажутся против вас, начал процедуру исключения из корпорации.

Дженнифер вдруг разом лишилась сил.

– Ваша честь, я...

– Пока это все, мисс Паркер.

Она немного постояла в окружении ополчившихся на нее мужчин. Что еще ей оставалось сказать?

За нее все сказала желтая канарейка на письменном столе.

Глава 3

Дженнифер Паркер не просто появилась в вечерних новостях: она сама стала вечерними новостями. История о том, как она принесла главному свидетелю окружного прокурора желтую канарейку, была настоящей сенсацией. Все телевизионные каналы показали, как Дженнифер Паркер, покидая офис судьи Уолдмана, прорывалась сквозь толпу журналистов к выходу.

Дженнифер не верила своей неожиданной кошмарной славе. Ее теснили со всех сторон теле-, радиорепортеры и газетчики. Ей отчаянно хотелось сбежать от них, но гордость не позволяла.

– Кто дал вам желтую канарейку, мисс Паркер?

– Вы раньше встречались с Майклом Моретти?

– Вы знали, что Ди Силва собирался использовать этот процесс, чтобы стать губернатором?

– Окружной прокурор объявил, что собирается исключить вас из корпорации адвокатов. Вы собираетесь оспорить его решение?

На каждый вопрос Дженнифер сухо роняла:

– Без комментариев.

В вечерних новостях канала Си-би-эс Дженнифер назвали заблудившейся Паркер, девушкой, которая по ошибке зашла не туда.

Ведущий канала Эй-би-си упомянул о ней как о Желтой Канарейке. Спортивный комментатор Эн-би-си сравнил ее с Роем Ригелсом, футболистом, который забил мяч в ворота собственной команды.

В «Тониз плейс», ресторане, принадлежавшем Майклу Моретти, праздник был в самом разгаре. В зале пили и буйст-вовали приятели Майкла. Сам же он сидел в одиночестве у стойки бара, оазисе молчания, и смотрел телевизор, где непрерывно транслировали сцены с Дженнифер Паркер. Он отсалютовал ей стаканом и выпил.

Адвокаты всей страны обсуждали историю с Дженнифер Паркер: одни были уверены, что ее подкупила мафия, другие – что ее подставили, – но обе стороны сходились в одном: короткая адвокатская карьера Дженнифер Паркер закончилась, продлившись ровно четыре часа.

* * *

Дженнифер родилась в штате Вашингтон, в Келсо, в маленьком городке с деревянными домами, основанном в 1847 году тоскующим по родине шотландцем, назвавшим его в честь родного города.

Отец Дженнифер был адвокатом, сначала лесоторговой компании, основного городского предприятия, а потом рабочих с лесопилок. Раннее детство Дженнифер было наполне-

но радостью. Штат Вашингтон, с его живописными горами, ледниками и национальными парками, был воистину сказочным для ребенка местом. Она ходила на лыжах, плавала на каноэ, а став постарше, поднималась на ледники и посещала места с чудесными названиями: Оханапекош, Нискуалли, озеро Кле-Элум и водопады Ченуис, Хорс-Хейвен и долину Якима. Позже Дженнифер научилась подниматься на вершину Ренье и вместе с отцом кататься на горных лыжах.

У отца всегда находилось для нее время, а вот мать, признанная красавица, не находившая себе места, постоянно была занята какими-то таинственными делами и редко оставалась дома. Дженнифер обожала отца. В Абнере Паркере текла смешанная англо-ирландско-шотландская кровь. Среднего роста, с черными волосами и зеленовато-голубыми глазами, он был не только по-настоящему красивым, но и сострадательным, с глубоко укоренившимся в душе чувством справедливости. Его интересовали не деньги, а люди. Он часами разговаривал с Дженнифер, рассказывая о делах, которые вел, и клиентах, приходивших в его маленький, скромный офис. И только лет десять спустя до Дженнифер дошло, что он беседовал с ней, потому что больше было не с кем.

После занятий Дженнифер спешила в суд, чтобы посмотреть на отца за работой. Если заседания в тот день не было, она сидела в его офисе, наблюдая, как он принимает посетителей. Они с отцом никогда не обсуждали ее поступление на юридический факультет: это воспринималось как должное.

Когда Дженнифер исполнилось пятнадцать, она стала летом работать на отца. В том возрасте, когда другие девочки встречались с парнями и бегали по вечеринкам, Дженнифер с головой погрузилась в судебные иски и завещания.

Мальчики интересовались ею, но она редко ходила на свидания. Когда отец спрашивал ее о причине, она отвечала: «Они все такие юнцы, папа».

В душе она твердо знала, что когда-нибудь выйдет за такого же адвоката, как отец.

В шестнадцатый день рождения Дженнифер ее мать сбегала из города с восемнадцатилетним сыном соседа, и после этого отец Дженнифер стал тихо умирать. Семь лет его сердце еще билось, но он был мертв с того момента, как узнал правду о жене. Весь город сочувствовал ему, что еще больше ухудшало дело, ведь Абнер Паркер был человеком гордым. Именно тогда он запил. Дженнифер делала все возможное, чтобы утешить его, но с той поры ничто уже не было прежним.

На следующий год, когда подошло время уезжать в колледж, Дженнифер решила остаться дома с отцом, но тот ничего не хотел слышать. «Мы станем партнерами, Дженни, – пообещал он. – Поскорее получи адвокатский диплом».

Окончив колледж, Дженнифер поступила в Университет Вашингтона в Сиэтле, и, пока ее сокурсники бродили в лабиринте контрактов, гражданско-правовых конфликтов, иму-

ществленных споров, гражданского и уголовного кодексов, Дженнифер чувствовала себя как рыба в воде. Она перебралась в студенческое общежитие и устроилась на работу в юридическую библиотеку.

Она полюбила Сиэтл. По воскресеньям Дженнифер, студент-индеец Аммини Уильямс и ширококостная ирландка Джозефина Коллинз катались на лодке на озере Грин-Лейк в центре города или посещали гонки на приз Золотого кубка на озере Вашингтон и наблюдали, как мимо пролетают ярко раскрашенные гидропланы.

В Сиэтле были потрясающие джазовые клубы, и любимым у Дженнифер был «Питерз пуп дек», где вместо столов были ящики с деревянными брусками наверху вместо столешницы.

Иногда они встречались в «Хейсти-тейсти», забегаловке, где готовили лучший в мире картофель, жаренный по-деревенски.

Климат в Сиэтле был холодным, сырым и ветреным, и дождь, казалось, не прекращался. Дженнифер носила толстый жакет в зеленую и голубую клетку, в мохнатой шерсти которого запутывались дождевые капли. Цвет оттенял ее сверкающие как изумруды глаза. Она шла под дождем, погруженная в свои тайные мысли, не подозревая, что все проходившие мимо обращали на нее внимание.

Весной девушки наряжались в яркие хлопковые платья и

расцветали на глазах. В университете было шесть братств, их члены собирались на газоне и глазели на девушек. Но в Дженнифер было нечто смущавшее их. Некое особенное, трудноопределимое качество, вызывавшее ощущение, что она уже достигла чего-то такого, к чему они только стремились.

Каждое лето Дженнифер уезжала домой навестить отца. Он сильно изменился. И хотя никогда не был пьян по-настоящему, трезвым его тоже было трудно назвать. Он словно удалился в невидимую крепость, куда, кроме него, никому не было доступа.

Он умер, когда Дженнифер заканчивала последний семестр юридического факультета. Город помнил Абнера Паркера, и на похоронах было не меньше сотни человек, людей, которым он когда-то помог, что-то посоветовал, с которыми подружился. Дженнифер горевала в одиночестве. Она потеряла не просто отца, но учителя и наставника.

После похорон Дженнифер вернулась в Сиэтл, чтобы окончить университет. Отец оставил ей меньше тысячи долларов, и следовало решить, что делать дальше. Она понимала, что невозможно вернуться в Келсо и заняться адвокатской практикой, поскольку в глазах горожан навсегда останется маленькой девочкой, чья мать сбежала с подростком.

Училась она так хорошо, что после собеседований в десятке лучших адвокатских фирм страны получила несколь-

ко предложений.

Уоррен Оукс, профессор по уголовному праву, считал, что это величайшее ее достижение.

– Женщине очень трудно попасть в солидную юридическую фирму, – объяснял он.

Беда Дженнифер состояла в том, что у нее больше не было ни дома, ни корней. Она сама не знала, где хочет жить.

Незадолго до окончания университета проблему решили за нее. Профессор Оукс попросил ее остаться после занятий.

– Я получил письмо из офиса окружного прокурора на Манхэттене с просьбой рекомендовать лучшего выпускника для его штата. Вас это интересует?

Нью-Йорк...

– Да, сэр, – выпалила ошеломленная Дженнифер.

Она полетела в Нью-Йорк на квалификационный экзамен и вскоре вернулась в Келсо, чтобы закрыть отцовский офис. Сколько горькой радости было в воспоминаниях о прошлом! Дженнифер казалось, что она выросла в этом офисе.

Она устроилась на работу помощником библиотекаря в юридической библиотеке университета, чтобы на что-то жить, пока не придут результаты ее экзамена.

– Это одно из труднейших испытаний во всей стране, – предупреждал профессор Оукс.

Но Дженнифер знала, что выдержала его.

Она получила уведомление, что сдала экзамен, и одновременно – предложение работать в офисе окружного прокуро-

ра.

Неделю спустя она уже ехала на восток.

Дженнифер нашла крошечную квартирку, в хорошем районе, как говорилось в объявлении, на Третьей авеню, с фальшивым камином и крутой, ведущей на четвертый этаж лестницей. Дженнифер утешила себя тем, что ей полезны физические упражнения. На Манхэттене не было гор, куда можно было взбираться, и быстрых ручьев, которые так трудно переплыть. Квартирка состояла из маленькой гостиной с диваном, который, раскладываясь, превращался в бугристую постель, и микроскопической ванной с окошком, много лет назад покрашенным черной краской, наглухо его запечатавшей. Мебель выглядела так, словно была пожертвована «Армией спасения».

Но Дженнифер сказала себе, что не останется здесь надолго. Это временно, пока она не заработает репутацию серьезного адвоката.

Но все это оказалось мечтой. А реальность была такова: прошло менее семидесяти двух часов после приезда в Нью-Йорк, а Дженнифер уже выбросили из офиса окружного прокурора и она была на грани исключения из корпорации.

Дженнифер перестала читать газеты и журналы и не включала телевизор – куда бы она ни повернулась, всюду видела

себя. Она чувствовала, что прохожие главели на нее на улице, в автобусе и магазинах. У нее вошло в привычку скрываться в своей квартирке, не отвечать на телефонные звонки и стук в дверь, и она уже подумывала сложить вещи и вернуться в Вашингтон, чтобы найти работу в другой области. И еще она подумывала о самоубийстве. Долгие часы Дженнифер провела за сочинением писем окружному прокурору Роберту Ди Силве. Половина писем состояла из уничтожающих обвинений в бесчувственности и отсутствии понимания. Другая половина – из униженных извинений и мольбы дать ей второй шанс. Ни одно письмо, впрочем, так и не было отослано.

Впервые в жизни ее одолевало отчаяние. У нее не было друзей в Нью-Йорке, ей не с кем было поговорить. Она днями не выходила из квартиры и только по ночам выскальзывала из дома, чтобы прогуляться по пустым улицам ночного города. Отверженные, изгои, отщепенцы, населявшие ночь, не трогали ее. Возможно, видели собственное одиночество и отчаяние, отраженные в ее глазах.

Шагая по тротуару, Дженнифер снова и снова представляла сцену в зале заседаний. Только конец всегда был разным.

Человек отделяется от группы, окружающей Ди Силву, и спешит к ней. В руке он держит конверт из плотной бумаги.

– Мисс Паркер?

– Да.

– Шеф велел передать это Стеле.

Дженнифер холодно смотрит на него.

– Покажите ваше удостоверение, пожалуйста.

Мужчина в панике бежит.

Человек отделяется от группы, окружающей Ди Силву, и спешит к ней. В руке он держит пакет из плотной бумаги.

– Мисс Паркер?

– Да.

– Шеф велел передать это Стеле.

Он сует ей в руку конверт.

Дженнифер открывает конверт и видит там желтую канарейку.

– Вы арестованы.

Человек отделяется от группы, окружающей Де Силву, и спешит к ней. В руке он держит пакет из плотной бумаги. Он проходит мимо нее, к другому молодому помощнику окружного прокурора, и отдает ему конверт:

– Шеф велел передать это Ди Силве...

Она могла переписывать эту сцену сколько угодно, но ничего не менялось. Одна глупая ошибка уничтожила ее. Но... кто сказал, что она уничтожена? Пресса? Ди Силва? Она больше не слышала ни одного слова об исключении ее из корпорации, а значит, пока не услышит, остается адвокатом. Кроме того, есть еще несколько юридических фирм, сделав-

ших ей предложения.

Преисполненная решимости, Дженнифер вытащила список фирм, с которыми вела переговоры, и принялась их обзванивать. К сожалению, никого из тех, с кем она хотела побеседовать, не оказалось на месте. И никто ей не перезвонил. Только через четыре дня она сообразила, что стала изгоем. Скандал успел затихнуть, но о нем не забыли.

Дженнифер продолжала звонить потенциальным работодателям, переходя от отчаяния к негодованию и тоске и снова к отчаянию. Она постоянно задавалась вопросом, что теперь делать всю остальную жизнь, и приходила к одному выводу: единственное, что ей было интересно, – защищать людей. Она адвокат, и Богу известно: пока ее не остановят, она найдет способ работать по специальности!

Дженнифер принялась методично обходить адвокатские фирмы на Манхэттене. Она являлась туда без приглашения. Называла имя секретарше в приемной и просила разрешения поговорить с главным менеджером по персоналу. Иногда ей удавалось попасть на собеседование, но она чувствовала: с ней говорят только из любопытства. Она вроде ярмарочного уродца, и всем интересно посмотреть, как она выглядит. Но по большей части ей просто сообщали, что вакансий нет.

Через полтора месяца у Дженнифер почти не осталось денег. Она бы перебралась в квартиру подешевле, но такого жилья просто не существовало. Пришлось забыть о завтра-

ках и ленчах и обедать в одной из маленьких угловых закусокных, где еда была скверной, зато цены приемлемыми. Она открыла для себя «Стейк энд бру» и «Роуст энд бру», где за скромную плату можно было получить основное блюдо, салат, который она была в состоянии съесть, и пиво, которое она была в состоянии выпить. Дженнифер ненавидела пиво, но оно, по крайней мере, наполняло желудок.

Исчерпав список больших фирм, Дженнифер вооружилась другим списком, менее престижных контор, и принялась звонить туда. Но репутация была безнадежно испорчена. Она получила кучу предложений от любвеобильных мужчин, а работа была все так же недосыгаема. Она уже начала отчаиваться, когда в голову ей пришла неожиданная мысль.

«Ладно, – дерзко решила она, – если никто не хочет взять меня на работу, открою собственную контору!»

Проблема была в том, что на это требовались деньги. Не менее десяти тысяч долларов. Нужно платить за аренду помещения, телефон, услуги секретаря, книги по юриспруденции, письменный стол и кресла, канцтовары... а ей не на что купить даже марки.

Дженнифер рассчитывала на жалованье помощника окружного прокурора, но, конечно, теперь об этом не приходилось и мечтать. И можно забыть о пособии в связи с увольнением. Нет, она никак не могла позволить себе открыть собственную контору, даже крошечную. Значит, нуж-

но было найти компаньона, у которого офис уже имеется.

Дженнифер купила «Нью-Йорк таймс» и принялась просматривать объявления в рубрике «Требуется». И в самом конце страницы нашла маленькое объявление, гласившее: «Требуется. Професс. дел. неб. оф. с 2 др. професс. Вн. дл. аренды», что по-видимому, означало, что двое профессионалов ищут третьего, готового вносить свою долю аренды за небольшой офис».

Последние слова особенно привлекли Дженнифер. Она не была мужчиной, но пол тут значения не имел. Вырвав клочок газеты с объявлением, она отправилась по указанному адресу и добралась до обшарпанного старого здания в Нижнем Бродвее. Офис оказался на третьем этаже, и табличка, краска на которой свисала лохмотьями, гласила:

КЕННЕТ БЕЙЛИ

«Эйс инве...ге...шнс»

Под ней висела другая:

«Рокфеллер к...лекшн эйдж...нси»

Дженнифер глубоко вздохнула, открыла дверь, вошла и оказалась в маленькой каморке без окон. По углам были расставлены три ободранных стола со стульями. Два стола были заняты.

За одним сидел лысый мужчина средних лет в убогом костюмчике, он корпел над бумагами. Противоположный стол занимал человек тридцати с лишним лет, с кирпично-крас-

ными волосами, яркими голубыми глазами и бледным веснушчатым лицом, в тесных джинсах, футболке и белых парусиновых туфлях на босу ногу. Он говорил по телефону:

– Не волнуйтесь, миссис Дессер, по вашему делу работают двое лучших оперативников. Со дня на день мы должны получить вести о вашем муже. Боюсь только, что придется попросить у вас немного денег на расходы... нет, не трудитесь отправлять почтой. Почта ужасно работает. Сегодня днем я буду в вашем районе. Зайду и возьму сам.

Он положил трубку, поднял глаза и, увидев Дженнифер, поднялся, улыбнулся и протянул крепкую сильную руку:

– Я Кеннет Бейли. Чем могу быть полезен вам в это прекрасное утро?

Дженнифер, оглядев маленькую душную комнату, нерешительно произнесла:

– Я... я пришла насчет вашего объявления.

– Вот как? – спросил Кеннет удивленно.

Лысый молча уставился на Дженнифер.

– Это Отто Венцель, – пояснил Бейли. – Он «Рокфеллер коллекшн эйдженси».

– Привет, – кивнула Дженнифер. – А вы, значит, «Эйс инвестигейшнс»?

– Верно. Чем промышляете?

– Про... а, поняла! Я адвокат.

Кеннет скептически усмехнулся:

– И хотите устроить офис здесь?

Дженнифер снова окинула взглядом жалкую комнатенку и представила, как устроится за пустым столом между этими двумя.

– Возможно, я рассмотрю и другие варианты. Не уверена, что...

– Ваша аренда будет всего девяносто долларов в месяц.

– За девяносто долларов я вполне могу купить все здание, – фыркнула Дженнифер и повернулась, чтобы уйти.

– Эй, минутку!

Дженнифер остановилась.

Кеннет почесал белый подбородок.

– Шестьдесят, и по рукам. Когда ваш бизнес развернется, поговорим об увеличении.

Да, что ни говори, сделка выгодная! Дженнифер знала, что никогда и нигде не сможет найти помещение за такую цену. С другой стороны, ни один клиент не сунется в эту дыру! И, кроме того, необходимо учитывать еще и такой немаловажный фактор: у нее нет шестидесяти долларов.

– Согласна, – вырвалось у Дженнифер.

– Вы не пожалеете, – заверил Кеннет Бейли. – Когда хотите перевезти вещи?

– Они все здесь.

Кеннет Бейли сам нарисовал надпись на двери:

ДЖЕННИФЕР ПАРКЕР

Адвокат

Дженнифер изучала табличку со смешанными чувствами.

До сих пор пребывая в глубокой депрессии, она не сообразила, что ее имя стоит под именами частного детектива и главы коллекторского агентства. И все же, глядя на кривовато выведенные буквы, она не могла не ощутить гордости. Она адвокат. И табличка на двери это доказывала.

Теперь недоставало одного: клиентов.

Дженнифер больше не могла позволить себе даже «Стейк энд бру». Она завтракала тостом и кофе, которые готовила на плитке, установленной на батарее в крошечной ванной. Ленч она пропускала и обедала в «Чок фулл о'натс» или «Зум-зум», где подавали большие куски колбасы, огромные ломти хлеба и горячий картофельный салат.

Каждое утро ровно в девять она садилась за стол и до вечера слушала телефонные разговоры Кеннета и Отто.

Кен Бейли, похоже, занимался исключительно розыском сбежавших мужей, жен и детей, и сначала Дженнифер была убеждена, что он просто мошенник, но быстро поняла, что детектив упорно работал и часто добивался результата. Он был умен и сообразителен.

А вот Отто оказался загадкой. Его телефон непрерывно звонил. Он поднимал трубку, что-то бормотал, писал на листочке бумаги и исчезал на несколько часов.

– Оскар занимается конфискацией, – как-то пояснил Бейли.

– Конфискацией?

– Ну да. Коллекторские компании получают ему возврат

автомобилей, телевизоров, стиральных машин – всего не перечислить, – добавил Кен и с любопытством уставился на Дженнифер: – У тебя есть хоть какие-то клиенты?

Она почувствовала, что краснеет. Значит, ему все известно о ней.

Кен тем временем разворачивал большой толстый сандвич с ростбифом.

– Хочешь половину?

Сандвич выглядел восхитительно!

– Нет, спасибо, – решительно отказалась Дженнифер. – Я никогда не ем ленч.

– Как знаешь.

Она исподтишка наблюдала, как он вгрызается в сочное мясо. Заметив выражение ее лица, Кен спросил:

– Уверена, что не...

– Нет, спасибо. У меня... у меня дела.

Кен проводил взглядом выходящую из офиса Дженнифер и задумчиво покачал головой. Он гордился своей способностью верно судить о людях, но Дженнифер Паркер сбивала его с толку. Судя по газетным и телевизионным репортажам, этой девушке действительно заплатили, чтобы развалить дело Майкла Моретти, но, познакомившись с ней, Кен уже не был так в этом уверен. Когда-то он был женат и прошел сквозь ад и с тех пор не придерживался слишком высокого мнения о женщинах, но что-то подсказывало ему: эта – особенная: красивая, умная и очень гордая.

«Иисусе, – сказал он себе, – не будь дураком. Неужели одного убийства на твоей совести недостаточно?»

«Эмма Лазарус³ была сентиментальной идиоткой», – думала Дженнифер.

«Дайте мне ваши бедные, угнетенные массы, жаждущие свободно вздохнуть... Пришлите их, бездомных, сметенных ураганом, ко мне!» – говорила когда-то она.

«Как же, как же! Любой производитель ковриков с приветственными надписями в Нью-Йорке через час вылетит из бизнеса! В этом городе всем плевать, жив ты или умер. И перестань себя жалеть!» – приказала себе Дженнифер.

Но у нее осталось всего восемнадцать долларов, она не заплатила вовремя за квартиру, а через два дня следовало внести свою долю за офис. У нее больше не было денег, чтобы оставаться в Нью-Йорке, и не было денег, чтобы уехать.

Она снова прошерстила «Желтые страницы» и обзвонила множество адвокатских контор, пытаясь найти работу. Приходилось звонить из автомата, поскольку она слишком стыдилась Кена и Отто. Не хватало еще, чтобы они подслушали ее разговоры.

Но результаты не утешали. Никто не собирался брать ее на службу. Наверное, придется вернуться в Келсо и найти работу помощника адвоката или секретаря у одного из друзей отца. Вот бы отец расстроился! Поражение было сокруши-

³ Эмма Лазарус (1849–1887) – американская писательница и поэтесса.

тельным, но что ей оставалось? Она вернется домой с клеймом неудачницы. Беда в том, что билет купить ей было не на что.

Она просмотрела сегодняшний выпуск «Нью-Йорк пост» и нашла объявление человека, искавшего попутчика до Сиэтла и предлагавшего разделить расходы поровну. Дженнифер сразу позвонила по номеру, указанному в объявлении, но ответа не дождалась и решила, что перезвонит утром.

На следующий день Дженнифер пришла в офис в последний раз. Отто Венцель отсутствовал, но Кен Бейли, как обычно, говорил по телефону. Сегодня на нем были голубые джинсы и кашемировый свитер с V-образным вырезом.

– Я нашел вашу жену, – сообщал кому-то он. – Единственная проблема, приятель, в том, что она не хочет возвращаться домой... Знаю, кто их поймет, этих женщин?.. Ладно, я скажу вам, где она живет, и можете попытаться уговорить ее вернуться. – Он продиктовал адрес отеля. – Спасибо, очень рад. – Повесив трубку, он обернулся к Дженнифер. – Сегодня ты поздновато.

– Мистер Бейли... боюсь, мне придется вас покинуть. Я пришлю вам деньги за аренду, которые задолжала, как только смогу.

Кен Бейли развалился на стуле и изучающе уставился на Дженнифер. Она неловко поежилась.

– Так вы согласны? – уточнила она.

– Едешь в Вашингтон?

Дженнифер кивнула.

– Может, сначала сделаешь мне небольшое одолжение? Мой друг адвокат пристает с просьбой вручить несколько повесток, а у меня времени нет. Он платит двенадцать пятьдесят за каждую повестку плюс транспортные расходы. Ну как, выручишь меня?

Через час Дженнифер Паркер уже стояла в офисе известной юридической фирмы «Пибоди энд Пибоди». Именно в такой конторе она мечтала работать когда-то, стать полноправным партнером и сидеть в прекрасно обставленном угловом кабинете. Но сейчас ее проводили в маленькую заднюю комнатку, и задерганная секретарша протянула ей стопку повесток.

– Только сохраняйте все транспортные документы. У вас машина, верно?

– Увы, нет...

– В таком случае представите билеты на метро.

– Договорились.

Остаток дня Дженнифер под проливным дождем развозила повестки по Бронксу, Бруклину и Куинсу. К восьми вечера она заработала пятьдесят долларов и еле добралась домой, промерзшая и измученная. Но у нее хотя бы появились первые за все это время деньги. И секретарь сказала, что для нее еще есть гора повесток. Работа тяжелая, унижительная, при-

ходилось бегать по всему городу. Кто-то хлопал дверью прямо перед ее носом, кто-то грязно ругался, кто-то угрожал. Дважды ей делали непристойные предложения. При мысли о том, что завтра предстоит такой же день, Дженнифер делалось не по себе. И все же, пока она могла оставаться в Нью-Йорке, надежда теплилась, хоть и очень слабая.

Дженнифер наполнила ванну и медленно погрузилась в воду. До этой минуты она не сознавала, как измучена. Все мышцы ныли. Она решила, что для поднятия настроения необходим плотный ужин. Сегодня она кутит! Пойдет в настоящий ресторан со скатертями на столах и салфетками. Может, там будет играть тихая музыка, она закажет бокал белого вина и...

...И тут в дверь позвонили. Это было странно. К ней никогда никто не заходил за эти два месяца. Наверное, обозленная хозяйка будет требовать плату за квартиру. Дженнифер лежала неподвижно, слишком усталая, чтобы двигаться, надеясь, что женщине надоест звонить и она уйдет.

Но пришедший не унимался. Дженнифер неохотно поднялась из воды, надела махровый халат и подошла к двери.

– Кто там?

– Мисс Дженнифер Паркер? – прозвучал мужской голос по ту сторону двери.

– Да.

– Меня зовут Адам Уорнер. Я адвокат.

Растерявшаяся Дженнифер накинула цепочку и при-

открыла дверь. Стоявший на площадке мужчина лет тридцати пяти, высокий широкоплечий блондин с испытующим взглядом серо-голубых глаз за стеклами очков в роговой оправе, был одет в сшитый на заказ костюм, который, вероятно, стоил целое состояние.

– Можно войти? – спросил он.

Грабители не носят дорогих костюмов, туфель от Гуччи и шелковых галстуков. У грабителей нет длинных красивых пальцев с тщательно отполированными ногтями.

– Минуту.

Дженнифер сняла цепочку и открыла дверь. Адам Уорнер вошел, а Дженнифер, представив, как он оценивает ее, поежилась. Похоже, он привык к лучшей жизни.

– Что привело вас ко мне, мистер Уорнер?

Не успев договорить, Дженнифер все поняла и неимоверно разволновалась. Он пришел предложить ей работу. Конечно, хотелось бы, чтобы на ней был красивый темно-синий приталенный халатик и волосы были уложены, но...

– Я член дисциплинарной комиссии Нью-Йорк-ской ассоциации адвокатов, мисс Паркер. Окружной прокурор Роберт Ди Силва и судья Лоуренс Уолдман потребовали от отдела апелляций начать процедуру исключения вас из корпорации.

Глава 4

Офис фирмы «Нидем, Финч, Пирс и Уорнер» находился на Уолл-стрит, 13, и занимал весь верхний этаж здания. Тут работали сто двадцать пять адвокатов. Здесь пахло «старыми» деньгами, а обстановка отличалась неброской элегантно-стью – такую полагалось иметь организации, которой управляли самые известные в своей области люди.

Адам Уорнер и Стюарт Нидем пили ритуальный утренний чай. Стюарт – подвижный ухоженный мужчина под семьдесят, с аккуратной вандейковской бородкой, в твидовом костюме и жилете. Выглядел он так, словно принадлежал к давно минувшей эпохе. Но, как, к собственному несчастью, усвоили его многочисленные противники, за эти годы разум и мозг Нидема целиком принадлежали эпохе нынешней. Он считался титаном. Стюарт предпочитал оставаться в тени и использовать свое значительное влияние, чтобы воздействовать на законодателей, ход встреч на высоком уровне и решение вопросов национальной политики. Настоящий уроженец Новой Англии, сдержанный и неразговорчивый.

Адам Уорнер, сын уважаемого сенатора, женился на Мэри Бет, племяннице Нидема, и был протеже последнего. Сам Адам имел репутацию блестящего адвоката. Окончив с отличием юридический факультет Гарварда, он получил предложения от самых престижных юридических фирм страны, но

выбрал эту и через семь лет стал полноправным партнером. Да и почему нет? Он был красив, умен и обаятелен, а также обладал уверенностью в себе, которую женщины воспринимали как вызов. Но Адам давно выработал способ вежливо отделяться от чрезмерно влюбчивых клиенток. Они с Мэри Бет были женаты четырнадцать лет, и Адам не одобрял внебрачных связей.

– Еще чаю, Адам? – спросил Стюарт.

– Нет, спасибо.

Адам ненавидел чай, но пил его каждое утро последние восемь лет, не желая обижать партнера. Чай Нидем заваривал сам, и на вкус он был ужасен.

Сегодня Стюарту было что рассказать партнеру, и он предусмотрительно начал с хороших новостей:

– Прошлым вечером я встречался с друзьями.

«Друзья» в переводе на обычный язык могли оказаться самыми могущественными в стране людьми.

– Они подумывают попросить тебя баллотироваться на пост сенатора Соединенных Штатов.

Адам мгновенно воодушевился. Зная, насколько осторожен Стюарт Нидем, он мог предположить, что тема эта возникла не случайно.

– Главный вопрос, конечно, в том, заинтересован ли ты. Твоя жизнь полностью изменится.

Адам вполне это сознавал. Если он победит на выборах, значит, придется перебраться в Вашингтон, оставить юриди-

ческую практику и начать совершенно новую жизнь. Он был уверен, что Мэри Бет обрадуется, а вот сам сомневался. Его с детства приучали не уклоняться от ответственности. Кроме того, нужно признать, что обладание властью приносит определенное удовольствие.

– Я был бы очень заинтересован, Стюарт.

Нидем с довольным видом кивнул:

– Прекрасно. Наши друзья будут рады. – Он налил себе еще чашку мерзкого настоя и небрежно упомянул другую новость: – Дисциплинарная комиссия ассоциации адвокатов собирается дать тебе небольшое задание, Адам. Оно отнимет не больше часа-двух.

– Какое именно задание?

– Насчет суда над Майклом Моретти. Очевидно, кто-то добрался до одной из молодых помощниц Бобби Ди Силвы и подкупил ее.

– Я читал об этом. Канарейка?

– Верно. Судья Уолдман и Ди Силва хотят, чтобы ее имя было удалено из списков представителей нашей благородной профессии. Я тоже на их стороне. Это дело дурно пахнет.

– И что требуется от меня?

– Проведи быструю проверку, убедись, что эта девица – Паркер – действовала незаконно или неэтично, и порекомендуй начать процесс исключения из корпорации адвокатов. Ее уведомят об этом. А остальное доделают заинтересованные лица. Обычная рутина.

– Но почему именно я, Стюарт? – недоумевал Адам. – У нас есть десятки молодых адвокатов, которые охотно за это возьмутся.

– Наш почтенный окружной прокурор лично просил тебя. Хочет, чтобы все прошло как по маслу. Как мы оба знаем, – сухо добавил он, – наш Бобби не самый великодушный в мире человек. Он намерен прибить скальп этой Паркер к стене своего офиса.

Адам молчал, представив, сколько дел ждало его в кабинете.

– Никогда не знаешь, когда понадобится за чем-то обратиться к окружному прокурору. Услуга за услугу. Рука руку моет.

– Хорошо, Стюарт. – Адам поднялся.

– Уверен, что больше не хочешь чаю?

– Нет, спасибо. Как всегда, было очень вкусно.

Вернувшись к себе, Адам позвонил одной из помощниц, Люсинде, молодой способной афроамериканке:

– Синди, раздобудьте мне всю информацию относительно адвоката по имени Дженнифер Паркер.

– Желтая Канарейка? – ухмыльнулась она.

Да уж, о Паркер знали все.

Во второй половине дня Адам изучал материалы процесса «Народ Нью-Йорка против Майкла Моретти», присланные Ди Силвой со специальным курьером. Закончил Адам

читать далеко за полночь. Он попросил Мэри Бет поехать на званый ужин без него. Из материалов дела было совершенно ясно, что Моретти вынесли бы обвинительный приговор, не вмешайся судьба в лице Дженнифер Паркер. Ди Силва безупречно вел процесс. До определенных событий.

Немного подумав, Адам открыл страницы протокола допроса, происходившего в кабинете судьи Уолдмана после провала процесса.

* * *

Ди Силва. Вы выпускница колледжа?

Паркер. Да, сэ.

Ди Силва. И выпускница юридического факультета?

Паркер. Да, сэ.

Ди Силва. Посторонний человек вручает вам конверт, просит отдать главному свидетелю в деле об убийстве, и вы просто идете и выполняете его просьбу? Не считаете ли вы, что это запредельная глупость?

Паркер. Все было немного не так.

Ди Силва. Но вы утверждали, что все было именно так.

Паркер. Я имела в виду, что не приняла его за постороннего. Подумала, что он работает на вас.

Ди Силва. Почему вы так решили?

Паркер. Я уже говорила, что увидела, как он что-то вам сказал, затем подошел ко мне с конвертом, назвал по имени

и сообщил, что вы просили отнести его свидетелю. Все случилось так быстро, что...

Ди Силва. Вряд ли это случилось так быстро. Наверняка потребовалось время, чтобы все это подстроить и найти кого-то, кто заплатил бы вам за доставку.

Паркер. Это неправда. Я...

Ди Силва. Что именно неправда? Вы не знали, что относите конверт главному свидетелю?

Паркер. Я не знала, что в нем.

Ди Силва. Значит, правда заключается в том, что кто-то заплатил вам.

Паркер. Я не позволю вам исказить смысл моих слов! Никто мне ничего не платил!

Ди Силва. Так вы просто сделали кому-то одолжение?

Паркер. Нет, я считала, что действую по вашим указаниям.

Ди Силва. Вы сказали, что этот человек назвал вас по имени.

Паркер. Да.

Ди Силва. Откуда он узнал ваше имя?

Паркер. Понятия не имею.

Ди Силва. Бросьте! У вас должны быть кое-какие мысли на этот счет. Может, он просто догадался. Может, осмотрел зал заседаний и сказал: «Где-то здесь есть некто по имени Дженнифер Паркер». Как по-вашему, так и произошло?

Паркер. Я уже говорила, что не знаю.

Ди Силва. Как долго длилась ваша связь с Майклом Моретти?

Паркер. Мистер Ди Силва, мы это уже проходили. Вы допрашиваете меня пять часов подряд. Я устала. Мне нечего больше сказать. Могу я наконец уйти?

Ди Силва. Попробуйте встать с этого стула, и я немедленно вас арестую. У вас большие неприятности, мисс Паркер. И есть только один способ выбраться: прекратите лгать и начните говорить правду.

Паркер. Я сказала вам правду. Изложила все как было.

Ди Силва. Кроме имени человека, который передал вам конверт. Мне нужно знать его имя и сколько вам заплатили.

И еще тридцать страниц в таком же роде. Роберт Ди Силва из кожи вон лез, делал все возможное, разве что не избил Дженнифер Паркер резиновым шлангом, но она упорно стояла на своем.

Адам закрыл протокол допроса и устало потер глаза. Было уже два ночи.

Завтра он избавится от Паркер и ее дела.

Но, к удивлению Адама, это оказалось не так легко. Поскольку Уорнер был человеком методичным, он изучил биографию Дженнифер Паркер. Насколько он мог определить, она не имела связей с преступным миром и прежде не знала Майкла Моретти.

Что-то в этом деле тревожило Адама. Работай Паркер на Моретти, тот снабдил бы ее куда более правдоподобной легендой. Но то, что рассказывала она, было настолько наивно, что, пожалуй, могло оказаться правдой.

В полдень Адаму позвонил окружной прокурор:

– Ну как дела, Адам?

– Прекрасно, Роберт.

– Насколько я понял, вам доверили стать палачом Дженнифер Паркер.

Услышав эту фразу, Адам Уорнер поморщился:

– Да, я согласился дать заключение.

– Я собираюсь упечь ее за решетку, и надолго, – прошипел Ди Силва с такой ненавистью, что Адам даже растерялся.

– Полегче, Роберт. Ее еще не исключили из корпорации.

– Предоставляю это вам, друг мой, – усмехнулся Ди Силва, но его тон тут же изменился: – Одна птичка подсказала мне, что вы можете в ближайшее время перебраться в Вашингтон. Хочу, чтобы вы знали: можете рассчитывать на мою поддержку.

– Спасибо, Роберт. Я очень это ценю.

– Не сомневайтесь, Адам. Надеюсь скоро услышать от вас приятные известия.

Это он опять говорил о Дженнифер. Услуга за услугу, как сказал Стюарт Нидем. А девушку во всей этой истории используют как пешку.

Он вспомнил слова Роберта: «Я собираюсь упечь ее за ре-

шетку, и надолго!»

Судя по протоколу допроса, прямых улик против Паркер нет. Если она не даст признательных показаний и если не появится свидетель с уличающими ее доказательствами, Ди Силва ничего не сможет сделать. Прокурор рассчитывал на лояльность Адама.

Холодные резкие фразы допроса не допускали двойного толкования, и все же Адам жалел, что не слышал тона Дженнифер Паркер, отрицавшей свою вину.

Сегодня у Адама были неотложные дела, связанные с важными клиентами. Легче всего было бы пойти навстречу Стюарту Нидему, судье Уолдману и Ди Силве, но что-то заставляло Адама колебаться.

Он снова взял досье Дженнифер Паркер, набросал несколько заметок и сделал несколько междугородных звонков.

Адам принял на себя ответственность и вознамерился как можно лучше выполнить свои обязанности. Слишком хорошо он знал, как трудно стать юристом, и не собирался лишиться кого-то работы, пока не будет уверен в самых серьезных основаниях.

Наутро Адам сел в самолет до Сиэтла. У него были назначены встречи с преподавателями Дженнифер Паркер, с главой юридической фирмы, где она работала в летние каникулы, и кое с кем из ее бывших однокурсников.

Стюарт позвонил, когда Адам был в Сиэтле:

– Что ты там делаешь, Адам? У тебя впереди большой процесс. Эта история с Паркер яйца выеденного не стоит.

– Возникло несколько вопросов, – осторожно ответил Адам. – Я вернусь через день-другой, Стюарт.

Последовала пауза, затем его собеседник сказал:

– Понятно. Только не трать на нее больше времени, чем следует.

К тому времени как Адам Уорнер покинул Сиэтл, ему казалось, что он знает Паркер так же хорошо, как она – себя. Он мысленно нарисовал портрет, детали которого дополнили ее профессора, хозяйка квартиры, служащие юридической фирмы, где она подрабатывала в каникулы, и однокурсники. И этот портрет не имел ни малейшего сходства с тем, что представил ему Ди Силва. Если только Паркер не самая гениальная актриса, которую когда-либо видел мир, то никоим образом не могла быть связана с человеком, подобным Майк-лу Моретти.

* * *

Теперь, почти через две недели после утреннего разговора со Стюартом, Адам оказался перед девушкой, чье прошлое так тщательно изучал. Адам долго рассматривал газетные снимки, но оказался не готов к тому впечатлению, которое она на него произвела. Даже в халате, без макияжа, с

влажными волосами она была ослепительна.

– Меня назначили расследовать вашу роль в процессе Майкла Моретти, мисс Паркер, – выдавил он.

– Вот как!

Дженнифер ощутила первые признаки подступающего гнева. Началось с искры, которая быстро разгорелась пламенем, буквально взорвавшимся в ней. Значит, ее не оставили в покое! Коллеги собираются заставить ее платить до конца жизни. Что же, с нее довольно!

– Мне нечего сказать вам, – дрожащим голосом бросила она. – Можете возвращаться и сообщать комиссии все, что вам будет угодно. Да, я сделала глупость, но законов против глупости у нас пока не приняли. Окружной прокурор считает, что мне кто-то заплатил. – Она пренебрежительно обвела рукой комнату. – Будь у меня деньги, думаете, я жила бы в подобной дыре? Мне... мне все равно, что вы сделаете. Я хочу, чтобы меня оставили в покое, так что, пожалуйста, уходите, – задыхаясь, попросила она, после чего повернулась, бросилась в ванную комнату и захлопнула за собой дверь. Там она прислонилась к раковине, глубоко дыша и вытирая слезы. Опять она наделала глупостей. И это уже второй раз! Ей следовало вести себя с Адамом по-другому, попытаться все объяснить, вместо того чтобы нападать.

Может, тогда все бы и обошлось.

Напрасные надежды! Этого человека послали ее допросить. Следующим шагом будет приказ о представлении обос-

нования дела, а потом будет запущен обычный механизм. Соберется тройка адвокатов, которые передадут свои рекомендации дисциплинарному совету, а тот, в свою очередь, предоставит отчет совету губернаторов. Рекомендации конечно, будут одинаковы: исключение из корпорации. Ей будет запрещено заниматься адвокатской практикой в штате Нью-Йорк.

«Есть во всем этом одна светлая сторона, – с горечью подумала Дженнифер. – Я могу попасть в Книгу рекордов Гиннеса как человек, сделавший самую короткую в истории карьеру юриста».

Она снова легла в ванну, и все еще теплая вода, омывая ее, сняла напряжение. Сейчас она слишком устала, чтобы заботиться о том, что с ней случится потом.

Дженнифер закрыла глаза, и ее мысли унеслись далеко-далеко...

Разбудил ее холод: вода совершенно остыла. Она понятия не имела, сколько пролежала в ванне, встала и вытерлась. Больше она не чувствовала голода. История с Адамом Уорнером лишила ее аппетита.

Дженнифер расчесала волосы, нанесла на лицо крем и решила, что вполне может лечь спать без ужина. Утром она позвонит по объявлению насчет совместной поездки в Сиэтл.

Она открыла дверь и вышла в комнату. Адам сидел за столом и читал журнал. Когда обнаженная Дженнифер вошла в комнату, он поднял глаза:

– Простите... я...

Она тихо вскрикнула и метнулась обратно в ванную, где спешно надела халат.

Вернувшись в комнату, она уже была вне себя от бешенства:

– Допрос окончен. Я просила вас уйти.

Адам положил журнал и тихо сказал:

– Мисс Паркер, как по-вашему, мы можем поговорить спокойно?

– Нет! – Вся долго копившаяся ярость снова вырвалась наружу. – Мне больше нечего сказать вам и вашей чертовой дисциплинарной комиссии. Надоело, что со мной обращаются как... как с преступницей.

– Я разве сказал, что вы преступница? – так же тихо спросил Адам.

– Вы... разве вы не потому здесь?

– Я объяснил вам, почему оказался здесь. Я должен провести расследование и рекомендовать начать или не начать процедуру исключения. И прежде всего я хочу выслушать вашу версию случившегося.

– Понимаю. И чем могу подкупить вас?

Лицо Адама стало непроницаемым.

– Мне очень жаль, мисс Паркер.

Он встал и пошел к выходу.

– Минутку! – окликнула она.

Адам обернулся.

– Извините меня, – попросила Дженнифер. – Теперь мне... все кажутся врагами. Извините, ради бога.

– Ваши извинения приняты.

Дженнифер только сейчас сообразила, что на ней только тонкий халатик.

– Если хотите задать мне вопросы, я переоденусь, и мы сможем поговорить.

– Прекрасное решение. Вы ужинали?

– Я... – нерешительно пробормотала она.

– Я знаю маленький французский ресторанчик. Идеально подходит для допросов.

Ресторанчик оказался тихим очаровательным бистро на Пятьдесят шестой улице в Ист-Сайде.

– Не многие знают об этом местечке, – сказал Адам, когда они уселись. – Хозяева – молодая французская пара, которая работала в «Ле Пирениз». Кухня здесь превосходная.

Дженнифер пришлось поверить Адаму на слово. Сама она не ощущала вкуса. Она не ела весь день, но так нервничала, что не могла проглотить ни кусочка. Дженнифер пыталась расслабиться, но это было невозможно. Как бы этот обаятельный человек ни притворялся, он все равно оставался ее врагом. А нужно признать, он действительно само обаяние: привлекателен, остро-умен, – и при иных обстоятельствах Дженнифер бесконечно наслаждалась бы каждой минутой в его обществе. Но какие тут иные обстоятельства! Ее будущее

в руках этого незнакомца. Следующие час или два определят, в каком направлении пойдет ее жизнь.

Адам из кожи вон лез, чтобы успокоить ее. Он недавно вернулся из поездки в Японию, где встречался с высшими правительственными чиновниками. В его честь даже дали банкет, сообщил он.

– Вы когда-нибудь ели муравьев в шоколаде? – спросил Адам.

– Нет.

Он улыбнулся.

– Они куда вкуснее, чем кузнечики в шоколаде.

Потом он рассказывал об охоте на Аляске, где на него напал медведь, – словом, говорил обо всем, кроме того, ради чего они пришли сюда.

Дженнифер готовилась к тому моменту, когда Адам начнет ее допрашивать, и все же, стоило ему задать первый вопрос, словно окаменела.

Он доел десерт и спокойно заявил:

– Я хочу задать несколько вопросов, но не желаю, чтобы вы расстраивались. Хорошо?

В горле Дженнифер застрял ком. Она не была уверена, что сможет говорить, и потому просто кивнула.

– Прошу вас рассказать мне все, что случилось в зале заседаний в тот день, не упуская ни единой детали. Все, что вы помните, все, что чувствуете. Не торопитесь.

Дженнифер хотела отказаться, попросить, чтобы он делал

все, что ему угодно, и оставил ее в покое, но почему-то, сидя напротив Адама, слушая его тихий голос, поняла: сопротивляться не будет. Происшествие до сих пор было так живо в памяти, что воспоминания причиняли боль. Целый месяц она старалась забыть, а теперь он просил ее снова пройти через то ужасное испытание.

Она глубоко прерывисто вздохнула:

– Ладно.

И нерешительно, запинаясь, стала описывать события в зале заседаний, сначала медленно, потом быстрее, по мере того как все оживало снова. Адам слушал молча, не сводя с нее глаз.

Когда Дженнифер замолчала, он спросил:

– Того человека, который дал вам конверт, вы видели в офисе окружного прокурора, когда принимали присягу?

– Я думала об этом, но, честно говоря, не помню. В офисе было так много народу и ни одного знакомого лица.

– Может, вы видели его раньше?

Дженнифер беспомощно покачала головой:

– Не помню. Вряд ли.

– Вы сказали, что видели, как он говорил с окружным прокурором, а потом подошел и отдал вам конверт. Вы сами видели, что прокурор вручил ему конверт?

– Я... нет.

– Но этот человек действительно говорил с окружным прокурором или просто стоял среди окружавших его людей?

Дженнифер на секунду закрыла глаза, пытаясь вернуть тот момент.

– Простите... у меня все в голове путается. Я... просто не знаю.

– У вас есть какие-то предположения относительно того, каким образом он узнал ваше имя?

– Нет.

– Или почему он выбрал вас?

– О, это было легко. Возможно, сразу увидел во мне идиотку, – покачала головой Дженнифер. – Простите, мистер Уорнер, я ничего не понимаю.

– Все это время вы жили под ужасным давлением. Окружной прокурор Ди Силва очень долго охотился на Майк-ла Моретти. Пока не вмешались вы, у него были все шансы выиграть дело. Окружной прокурор не слишком вами доволен.

– Я и сама не слишком собой довольна.

Дженнифер не винила Адама Уорнера за то, что он собирался сделать. Человек всего лишь выполняет свои обязанности. Окружение прокурора решило уничтожить ее, и это им почти удалось. Адам тут ни при чем. Он просто орудие, которое используют эти люди.

Дженнифер вдруг страстно захотелось остаться одной. Не стоит, чтобы кто-то видел, в каком она отчаянии.

– Простите, – извинилась она. – Я... не слишком хорошо себя чувствую и хотела бы вернуться домой. Пожалуйста.

Адам несколько секунд изучал ее лицо.

– Вам станет легче, если я скажу, что собираюсь рекомендовать прекратить дело об исключении вас из корпорации адвокатов?

Не сразу осознав значение его слов, она долго безмолвно смотрела на него, вглядываясь в серо-голубые глаза за стеклами очков.

– Вы... вы действительно так поступите?

– Стать адвокатом очень для вас важно, не так ли? – спросил Адам.

Дженнифер вспомнила отца и его уютный офис, беседы, которые они вели, долгие годы учебы, надежды и мечты. Они собирались стать партнерами. Отец просил ее поскорее получить диплом.

– Да, – прошептала Дженнифер.

– Если сможете преодолеть эти трудности, думаю, станете очень хорошим адвокатом.

Дженнифер благодарно улыбнулась:

– Спасибо. Я попытаюсь.

Эти слова она мысленно повторяла снова и снова. И не важно, что она делила крошечный офис с частным детективом, не внушавшим особенного доверия, и человеком, возвращавшим фирмам подержанные автомобили. Это была АДВОКАТСКАЯ КОНТОРА, а она член корпорации адвокатов, и ее не выкинут из профессии!

Она ликовала, понимая, что будет вечно благодарна Адаму Уорнеру.

Официант стал убирать посуду. Дженнифер попыталась заговорить, но из горла вырвалось нечто среднее между смехом и всхлипом.

– Мистер Уорнер...

– После всего этого, – серьезно объявил он, – думаю, вам стоит звать меня Адамом.

– Адам...

– Да?

– Надеюсь, это не испортит наши отношения, – простонала Дженнифер, – но я сейчас умру от голода!

Глава 5

Следующие несколько недель пролетели как один день. Дженнифер была занята, разнося вызовы ответчикам в судебных процессах и повестки свидетелям. Она ясно поняла, что шансов попасть в большую уважаемую фирму не осталось, что после чудовищного фиаско, о котором узнала вся страна, никто не пожелает взять ее на работу. Значит, следовало найти способ вернуть репутацию. Начать сначала.

Ну а пока на ее столе громоздились вызовы и повестки от «Пибоди энд Пибоди», и хотя это вовсе не то, что участвовать в процессах, все же двенадцать пятьдесят и оплата транспорт-ных расходов на дороге не валяются.

Время от времени, когда Дженнифер задерживалась допоздна, Кен Бейли приглашал ее поужинать. На первый взгляд он казался циником, но Дженнифер чувствовала, что это лишь фасад, а на деле Кен очень одинок. Он окончил Университет Брауна и казался ей человеком умным и образованным. Она никак не могла взять в толк, почему он проводил целые дни в убогом офисе, разыскивал сбежавших жен и мужей, словно смирился с клеймом неудачника и не хотел добиться чего-то большего.

Однажды, когда Дженнифер заговорила о его браке, он зарычал, что это не ее дело, и она больше не затрагивала эту щекотливую тему.

Отто Венцель был совершенно другим. Приземистый коротышка с пивным брюшком был счастливо женат. Он считал Дженнифер кем-то вроде дочери и постоянно приносил ей супы и кексы, состряпанные женой. К несчастью, супруга Отто отвратительно готовила, но Дженнифер заставляла себя съедать все, поскольку не желала ранить его чувства. Как-то в пятницу вечером Венцель пригласил Дженнифер на обед. Миссис Венцель приготовила фаршированную капусту, свое коронное блюдо. Капуста оказалась переваренной, мясо – жестким, а рис – полусырым, и все это плавало в озере куриного жира. Но Дженнифер храбро атаковала несъедобное блюдо, стараясь откусывать кусочки поменьше, и энергично ковырялась в капусте вилкой, дабы создать впечатление бурной деятельности.

– Вам нравится? – просияла миссис Венцель.

– Это... одно из моих любимых блюд.

С того вечера Дженнифер по пятницам обедала у Венцелей, и хозяйка каждый раз готовила гостье ее любимое блюдо.

Как-то утром Дженнифер позвонила личный секретарь мистера Пибоди-младшего.

– Мистер Пибоди хотел бы встретиться с вами сегодня утром в одиннадцать. Не опаздывайте, пожалуйста.

– Да, мэм.

До сих пор Дженнифер имела дело только с секретарями и младшими помощниками из офиса Пибоди. Фирма была большой, авторитетной, из тех, о которых молодые адвокаты могли только мечтать. По пути к офису Дженнифер стала невольно фантазировать. Если сам мистер Пибоди хочет видеть ее, значит, дело важное. Возможно, он поверил в ее невиновность и собирается предложить ей работу в фирме, дать шанс показать себя. Ничего, их всех ждет сюрприз! Когда-нибудь фирма, вероятно, станет называться «Пибоди, Пибоди энд Паркер».

Дженнифер прождала полчаса в коридоре и ровно в одиннадцать вошла в приемную. Ее заставили прождать два часа, прежде чем разрешили войти в кабинет Пибоди, высокого худого мужчины в костюме-тройке и сшитых на заказ английских туфлях. Он не пригласил ее сесть.

– Мисс Поттер... – неприятно высоким голосом начал он.
– Паркер.

Он взял со стола листочки.

– Это вызовы в суд. Я хотел бы, чтобы вы их вручили.

В этот момент Дженнифер поняла, что ей в этой фирме не работать.

– Вам заплатят пятьсот долларов, – объявил мистер Пибоди, протягивая бумаги.

Дженнифер решила, что ослышалась.

– Вы сказали «пятьсот долларов»?

– Совершенно верно. Если у вас все получится, конечно.

– Значит, есть какая-то проблема, – предположила Дженнифер.

– К сожалению, – признал мистер Пибоди-младший. – Мы пытаемся вручить вызов этому человеку вот уже больше года. Его зовут Уильям Карлайл. Живет он на Лонг-Айленде и никогда не выходит из дому. Буду честным до конца: с десятков человек уже пытались вручить ему вызов, но его дворецкий и по совместительству телохранитель никого к нему не допускает.

– Не пойму, каким образом... – начала Дженнифер.

Мистер Пибоди-младший подался вперед:

– На кону стоит огромная сумма. Но я не могу затащить Уильяма Карлайла в суд, пока не вручу ему вызов, мисс Поттер.

Дженнифер не потрудилась его поправить.

– Как по-вашему, вы сможете с этим справиться?

Дженнифер думала о том, что можно сделать на пятьсот долларов.

– Я найду способ.

В два часа того же дня Дженнифер стояла перед впечатляющими воротами дома Уильяма Карлайла. Строеение в георгианском стиле возвышалось на прекрасно ухоженном участке в десять акров. Изгибавшаяся дорожка вела к крыльцу, обрамленному стройными елями.

Прежде чем явиться сюда, Дженнифер тщательно обдума-

ла проблему. Поскольку в дом пробраться было невозможно, значит, единственное решение – выманить из дому Уильяма Карлайла.

На расстоянии полуквартала от дома стоял грузовик садовника. Дженнифер осмотрела машины, подошла поближе и увидела троих садовников-японцев. Подойдя к ним, она спросила:

– Кто здесь главный?

– Я, – ответил один, выпрямившись.

– У меня для вас небольшая работа... – начала Дженнифер.

– Простите, мэм, мы слишком заняты.

– Но это не займет больше пяти минут.

– Нет. Невозможно...

– Я заплачу сто долларов!

Мужчины уставились на нее.

– Сто долларов за пять минут работы? – уточнил старший садовник.

– Совершенно верно.

– Что нужно сделать?

* * *

Ровно через пять минут грузовик садовников стоял на подъездной дорожке участка Уильяма Карлайла. Дженнифер и японцы вышли. Дженнифер осмотрелась, выбрала самое

красивое дерево около входной двери и велела садовникам выкопать его.

Они вынули лопаты и принялись копать. Почти сразу же передняя дверь распахнулась, и оттуда выскочил гигант в лифве дворцового.

– Какого дьявола вы тут делаете?!

– Лонг-Айлендский питомник. Мы выкапываем все эти деревья.

– Что? – изумился дворецкий.

Дженнифер взмахнула листком бумаги.

– У меня приказ выкопать эти деревья.

– Невозможно! Мистера Карлайла удар хватит! Эй вы, немедленно прекратите!

– Послушайте, мистер, – вмешалась Дженнифер, – я просто делаю свою работу. Продолжайте копать, парни.

– Нет! – завопил дворецкий. – Говорю вам, это ошибка! Мистер Карлайл ничего не приказывал выкапывать.

– А мой босс говорит, что приказал, – пожала плечами Дженнифер.

– Как я могу связаться с вашим боссом?

Дженнифер взглянула на часы.

– Он уехал в Бруклин, по делам. Должен вернуться в офис около шести.

Дворецкий злобно уставился на нее.

– Минуту! Ничего не делайте, пока я не вернусь.

– Продолжайте копать, – велела Дженнифер.

Дворецкий повернулся и побежал в дом, захлопнув за собой дверь. Через несколько минут он вернулся в сопровождении крошечного человечка средних лет.

– Не потрудитесь сказать мне, какого черта тут творится?

– А вам что за дело? – парировала Дженнифер.

– Сейчас объясню! – рявкнул он. – Я Уильям Карлайл, и все это моя собственность!

– В таком случае, мистер Карлайл, у меня кое-что для вас есть. – Она пошарила в кармане, вложила вызов в руку Карлайла и повернулась к садовникам: – Прекратите копать.

Наутро позвонил Адам Уорнер. Дженнифер сразу узнала его голос.

– Я подумал, что вы захотите узнать: дело о вашем исключении из корпорации адвокатов официально прекращено. Больше вам не о чем беспокоиться.

Дженнифер закрыла глаза и мысленно послала Небу молитву.

– Я... не могу сказать, как благодарна вам за все, что сделали для меня.

– Правосудие не всегда слепо.

Адам не упомянул о сцене, произошедшей между ним, Стюартом и Ди Силвой. Нидем был разочарован, но настроен философски, а вот окружной прокурор налетел на него как бешеный бык.

– Вы позволили этой суке выйти сухой из воды? Госпо-

ди Иисусе, да она же связана с мафией! Неужели не видите, Адам? Она втирает вам очки!

Это длилось бесконечно, пока Адам не устал.

– Все улики против нее были косвенными. Она оказалась не в то время и не в том месте и попала в мышеловку. Мне это не кажется связями с мафией.

– Ладно-ладно, она останется адвокатом, – вздохнул Ди Силва. – Я лишь надеюсь на то, что она займется практикой в Нью-Йорке, потому что, стоит ей оказаться в моем зале заседаний, я ее в порошок сотру.

Об этом Адам не упомянул. У Дженнифер появился смертельный враг, но с этим ничего не поделаешь. Роберт был мстительным человеком, а Дженнифер – весьма уязвимой мишенью. Умная, идеалистка и к тому же трогательно молодая и прекрасная.

Адам отчетливо понимал, что никогда больше не должен с ней видеться.

Выпадали дни, недели и месяцы, когда Дженнифер была готова бросить все. Надпись на двери больше никого не обманывала. Она не занималась адвокатской практикой и каждый день бегала по слякоти, под дождем и снегом, разнося повестки и вызовы ненавидевшим ее людям. Время от времени она вела дела на общественных началах: помогала пожилым людям получить талоны на еду, решала различные юридические проблемы живущих в гетто негров, пуэртори-

канцев и других бесправных.

Ночи оказывались еще хуже дней, потому что были бессонными и тянулись бесконечно, а когда Дженнифер все же засыпала, ее преследовали кошмары. Они начались, когда мать бросила ее и отца, и с тех пор она не могла изгнать демонов, отравлявших ее сны.

Ее изводило одиночество. Иногда она встречалась с молодыми адвокатами, но рано или поздно понимала, что сравнивает их с Адамом Уорнером, и сравнение было не в их пользу. Все свидания кончались одинаково: они шли поужинать, а потом в кино или в театр, и все это завершалось короткой схваткой у ее входной двери. Дженнифер так и не поняла, хотят ли они переспать с ней, потому что заплатили за ужин, или не желают тащиться даром на четвертый этаж. Выдавались минуты, когда она почти готова была сдать, только чтобы кто-то лежал с ней рядом в постели, тот, кого можно обнять, с кем можно разделить ночные часы, но она нуждалась в чем-то большем. Ей так хотелось, чтобы с ней рядом был тот, кому она не безразлична. Кто не безразличен ей.

Но самые интересные мужчины, делавшие Дженнифер предложения, были женаты, а с такими она решительно отказывалась встречаться. Слишком хорошо помнила фразу из чудесной комедии Билли Уайлдера «Квартира»: «Когда ты влюблена в женатика, не стоит пользоваться косметикой».

Мать Дженнифер разрушила свой брак и этим убила мужа. И Дженнифер никогда этого не забудет.

Настало Рождество и канун Нового года. Дженнифер провела праздники одна. Шел сильный снег, и город походил на гигантскую рождественскую открытку. Дженнифер гуляла по улицам, провожая взглядом прохожих, спешивших в тепло своих домов, к своим семьям. А сама она не могла справиться с поселившейся внутри пустотой. Она ужасно тосковала по отцу и обрадовалась, когда праздники закончились.

– Ничего, – твердила она себе, – в тысяча девятьсот семидесятом все будет по-другому.

В самые тоскливые дни Кен Бейли старался ее развеять. Водил в Медисон-сквер-гарден, посмотреть игру «Рейнджерс», в диско-клуб, а иногда в кино или театр. Дженнифер чувствовала, что нравится ему, и все же он держал дистанцию.

В марте Отто Венцель решил вместе с женой перебраться во Флориду.

– Мои кости становятся слишком старыми для нью-йоркских зим, – пожаловался он Дженнифер.

– Мне будет вас не хватать, – честно призналась она, поскольку успела привязаться к нему.

– Позаботься о Кене.

Дженнифер вопросительно уставилась на него.

– Он так и не сказал тебе, верно?

– Что именно?

Отто поколебался.

– Его жена покончила с собой. Он винит себя.

Дженнифер, потрясенная, уставилась на него:

– Какой ужас! Почему... почему она это сделала?

– Застала Кена в постели с молодым блондином.

– О господи!

– Выстрелила сначала в Кена, потом в себя. Он выжил.

Она – нет.

– Кошмар... я понятия не имела, что... что...

– Знаю. Он много улыбается, но в его душе ад.

– Спасибо за то, что рассказали.

Когда Дженнифер вернулась в офис, Кен заметил:

– Значит, старик Отто покидает нас.

– Да.

Кен улыбнулся.

– Полагаю, теперь мы с тобой против всего мира.

«В каком-то смысле, – подумала Дженнифер, – это правда».

Теперь Дженнифер смотрела на Кена другими глазами. Они вместе ходили на ленч и обед, и она не видела в нем никаких признаков «голубизны», хотя сознавала, что Отто сказал правду: в душе Кена царил ад.

Некоторые клиенты приходили с улицы – как правило, бедно одетые, растерянные и в некоторых случаях просто невменяемые.

Проститутки просили уладить дело о поручительстве за

уплату штрафа, и Дженнифер поражалась, как молоды и красивы некоторые из них. Они стали хоть и маленьким, но постоянным источником дохода, но Дженнифер так и не узнала, кто присылал их к ней. Когда она упомянула об этом Кену, тот непонимающе пожал плечами и ушел, как всегда, когда у Дженнифер появлялся очередной клиент. В такие минуты он походил на гордого папашу, мечтающего об успехах дочери.

Но когда Дженнифер предлагали дела о разводе, она неизменно отказывалась. Не могла забыть слова одного из профессоров: «Развод в юриспруденции все равно что прок-тология в медицине».

Большинство адвокатов, ведущих бракоразводные дела, имели дурную репутацию. Недаром говорилось, что, когда в глазах разводящихся появляется красная пелена бешенства, в глазах адвокатов отражается приятная зелень купюр. Самых дорогих адвокатов по бракоразводным делам прозвали «бомбардировщики», потому что они порой взрывали настоящие «бомбы», чтобы выиграть дело своего клиента, частенько уничтожая в ходе процесса мужа, жену и детей.

Но попадались клиенты, разительно отличавшиеся от обычных, и это сбивало Дженнифер с толку. Все были хорошо одеты, от всех исходила некая аура богатства, и дела, с которыми они обращались, были не мелкими случаями, с какими привыкла справляться Дженнифер. Речь шла о наследствах на значительные суммы и судебных исках, которые

была бы счастлива вести любая большая адвокатская фирма.

– Где вы слышали обо мне? – спрашивала Дженнифер и неизменно получала уклончивые ответы: «От друга... читал о вас... ваше имя называли на вечеринке...»

Только когда какой-то клиент, объясняя суть проблем, упомянул Адама Уорнера, Дженнифер неожиданно поняла:

– Это мистер Уорнер прислал вас, верно?

Клиент смущенно потупился.

– Видите ли, он сказал: будет лучше, если я о нем умолчу.

Дженнифер решила позвонить Адаму. В конце концов, она у него в долгу. Вежливо поблагодарит, и только. Ничего личного. И естественно, она никак не проявит, что звонит не только ради выражения признательности.

Мысленно она несколько раз прорепетировала беседу. А когда набралась мужества поднять трубку, секретарь сообщила, что мистер Уорнер сейчас в Европе и в ближайшие несколько недель не собирается возвращаться.

Постепенно Дженнифер осознала, что все чаще думает об Адаме. Вспоминала тот вечер, когда он пришел к ней домой. Как отвратительно она себя вела! Хорошо еще, Адам оказался достаточно умен, чтобы не обращать внимания на ее ребяческие выходки, когда она срывала на нем злость. Мало того, что он сделал для нее тогда, так теперь еще присылает клиентов!

Дженнифер выждала три недели, прежде чем снова по-

звонить Адаму. На этот раз оказалось, что он улетел в Южную Америку.

– Что-нибудь передать? – спросила секретарь.

Дженнифер некоторое время колебалась.

– Не стоит.

Она безуспешно пыталась выбросить Адама из головы. Гадала, женат он или помолвлен. Гадала, каково это, быть миссис Адам Уорнер. Гадала, уж не спятила ли она...

Время от времени Дженнифер видела в газетах или журналах имя Моретти. В журнале «Нью-йоркер» была помещена подробнейшая статья об Антонио Гранелли и восточных мафиозных семействах. В статье говорилось, что здоровье Гранелли слабеет и его зять Майкл Моретти готовится стать главой всей империи Антонио. В журнале «Лайф» была статья об образе жизни Моретти, а в конце упоминалось о злополучном процессе. Камилло Стела отбывал срок в Ливенуорте, а Моретти оставался на свободе. Автор статьи напоминал, что именно Дженнифер Паркер развалила дело, в результате которого Майкла могли послать в тюрьму или на электрический стул.

Когда Дженнифер читала газету, внутри у нее все переворачивалось. Она с радостью собственноручно нажала бы кнопку, подводящую ток к стулу.

Хотя большинство клиентов Дженнифер были людьми незначительными, все же опыт она приобретала бесценный.

За месяц Дженнифер успела изучить каждый зал заседаний в здании уголовного суда по адресу: Сентр-стрит, 100, и служивших там людей.

Когда одного из клиентов задерживали за воровство в магазине, грабеж, проституцию или продажу наркотиков, Дженнифер спешила в деловую часть города, чтобы договориться о выходе клиента под залог, и ведение переговоров прочно вошло в ее жизнь.

– Установлен залог в пятьсот долларов.

– Ваша честь, у ответчика нет таких денег. Если суд снизит сумму до двухсот долларов, ответчик сможет вернуться к работе, чтобы кормить семью.

– Так и быть. Двести долларов.

– Спасибо, ваша честь.

Даже заведующий бюро жалоб, куда посылались копии протоколов ареста, удивлялся:

– Опять вы, Паркер! Ради бога, вы когда-нибудь спите?

– Привет, лейтенант! Моего клиента забрали за бродяжничество. Могу я посмотреть протокол на Коннери, Кларенса Коннери.

– Скажи, солнышко, зачем тебе нужно тащиться сюда в три ночи ради бродяг?

– Чтобы самой не болтаться на улице, – ухмылялась Дженнифер.

Она бывала и в ночном суде, проходившем обычно в зале номер 218 здания суда на Сентр-стрит. Приходилось окутаться в дурно пахнувший, переполненный людьми мир с собственным своеобразным жаргоном, который поначалу сбивал ее с толку.

– Паркер, ваш клиент задержан за энвэгэпэ.

– Мой клиент задержан за что?!

– Ночной вооруженный грабеж со взломом и покушением на убийство. Усекли?

– Усекла.

– Я представляю интересы мисс Льюны Тарнер.

– О боже!

– Не изложите ли подробности дела?

– Погодите. Сейчас найду протокол. Вот. Прос. Задержана ОБУП, внизу.

– О... чем?

– Вы здесь новенькая, верно? ОБУП – отделение по борьбе с уличной преступностью. «Прос.» – проститутка, «внизу» – к югу от Сорок второй улицы. Дошло?

– Дошло.

Ночной суд вызывал у Дженнифер приступы депрессии. Там постоянно происходили людские приливы и отливы, оставлявшие в зале заседаний выброшенных на берег жертв

правосудия.

Каждую ночь там слушалось более ста пятидесяти дел. Ответчиками были шлюхи, трансвеститы, вонючие оборванные пьяницы и наркоманы. Туда приводили пуэрториканцев, мексиканцев, евреев, ирландцев, греков, итальянцев, обвиняемых в насилии, воровстве, незаконном ношении оружия, распространении наркотиков, грабежах и проституции. Но у всех была одна общая черта: бедность. Они были бедны, растеряны, сдались и ничего не ждали от жизни. Они были мусором, дрянью, швалью, мимо которой богатое общество равнодушно проходило не оглядываясь.

Большинство обитало в Центральном Гарлеме, и, поскольку в тюрьмах не хватало места, всех, кроме осужденных за более серьезные преступления, отпускали или приговаривали к штрафу. Они возвращались домой на Сент-Николас-авеню или Морнингсайд и Манхэттен-авеню, где на площади три с половиной квадратных мили проживали двести тридцать пять тысяч афроамериканцев, восемь тысяч пуэрториканцев и приблизительно миллион крыс.

Большинство клиентов Дженнифер были людьми, задавленными бедностью, системой и собственным образом жизни, – людьми, которые давно сдались. Дженнифер с удивлением обнаружила, что их страх подпитывал ее уверенность в себе. Вряд ли ее жизнь можно считать блестящим примером успеха, и все же между ней и клиентами была огромная разница: она никогда не сдавалась.

Кен Бейли познакомил Дженнифер с отцом Фрэнсисом Джозефом Райаном. Отцу Райану было около шестидесяти: энергичный жизнерадостный человек с жесткими черными седеющими, завивавшимися на затылке и вечно нуждавшимися в стрижке волосами. Дженнифер искренне полюбила его с первой встречи.

Время от времени, когда кто-то из прихожан внезапно исчезал, отец Райан приходил к Кену. Тот неизменно находил блудного мужа, жену, дочь или сына, но никогда не брал денег.

– Считайте, что я вношу залог за жизнь в рай, – пояснял Кен.

Как-то, когда его не было в конторе, заглянул отец Райан.

– Кена нет, отец Райан. Сегодня он не вернется.

– Собственно говоря, я к вам, Дженнифер.

Священник сел на неудобный старый деревянный стул перед ее столом.

– У моего друга небольшая проблема.

Обычно с подобного вступления начинался его разговор с Кеном.

– Слушаю вас, отец.

– У меня есть одна престарелая прихожанка, так эта бедняжка никак не может получить выплаты по социальному страхованию. Она переехала в мой приход несколько месяцев назад, а какой-то чертов компьютер, гори он в аду, поте-

рлял все сведения о ней.

– Понятно.

– Так и знал, что вы поймете, – кивнул отец Райан вставая. – Только, боюсь, гонорара вы не получите.

– Не беспокойтесь, отец, – улыбнулась Дженнифер. – Я попытаюсь все уладить.

Она посчитала дело простым, но потребовалось почти три дня на то, чтобы восстановить данные в компьютере.

Прошел еще месяц, и как-то утром отец Райан вновь появился у стола Дженнифер:

– Неприятно беспокоить вас, дорогая, но еще у одного моего друга небольшая проблема. Боюсь, у него нет... – Он замялся.

– ...денег, – предположила Дженнифер.

– Э... да. Именно. Но бедный парень отчаянно нуждается в помощи.

– Ладно, расскажите о нем.

– Его зовут Абрахам. Абрахам Уилсон. Сын одного из моих прихожан. Абрахам отбывает пожизненное заключение в Синг-Синге за убийство владельца винного магазина во время налета.

– Если его осудили и он отбывает срок, не пойму, чем могу помочь, отец.

Отец Райан покачал головой и вздохнул:

– Проблема не в этом.

– Не в этом?

– Нет. Несколько недель назад Абрахам убил еще одного человека, сокамерника Реймонда Торпа. Теперь его будут судить за убийство и, возможно, вынесут смертный приговор.

Дженнифер что-то читала об этом деле.

– Если я точно помню, он избил человека до смерти.

– Так говорят.

Дженнифер взяла блокнот и ручку.

– Не знаете, есть ли свидетели драки?

– Боюсь, что да.

– И сколько их?

– О, сотня или около того. Видите ли, все произошло в тюремном дворе.

– Потрясающе! И чего же вы от меня ждете?

– Помощи Абрахаму, – просто ответил отец Райан.

Дженнифер отложила ручку.

– Отец, помочь ему в состоянии только ваш босс. Против подсудимого есть три неопровержимых фактора: он афроамериканец, он осужденный убийца, он прикончил еще одного человека в присутствии сотни свидетелей. У защиты нет никаких доводов в его пользу. Если тот, второй, угрожал ему, рядом имелись охранники, к которым он мог обратиться. Но он сам осуществил правосудие. Нет в мире такого жюри присяжных, которое бы не осудило его.

– И все же он создание Божье. Не могли бы вы хотя бы

поговорить с ним?

– Я поговорю с ним, – вздохнула Дженнифер, – но ничего не обещаю.

– Понимаю, – кивнул отец Райан. – Возможно, публичность не слишком уместна.

Оба думали об одном: три неопровержимых фактора действуют не только против Уилсона.

Тюрьма Синг-Синг расположена в городе Оссининге, в тридцати милях от Манхэттена, на восточном берегу реки Гудзон, с видом на мост Таппан-Зи и залив Хаверстро.

Дженнифер добралась туда на автобусе. Она позвонила заместителю начальника тюрьмы, и тот разрешил свидание с Уилсоном, которого содержали в одиночной камере. Сидя в автобусе, Дженнифер была исполнена целеустремленности, которой так долго не ощущала. Она ехала в Синг-Синг, чтобы встретить возможного клиента, которого обвиняют в убийстве. Именно ради таких дел она училась и к ним готовилась. Впервые за год Дженнифер чувствовала себя настоящим адвокатом. И все же она собиралась сказать человеку, что не сможет его защищать. Не сможет позволить себе участвовать в нашумевшем деле, когда нет ни малейшего шанса выиграть. Абрахаму Уилсону придется найти другого защитника.

Обшарпанное такси довезло Дженнифер от автобусной остановки до тюрьмы, занимавшей семьдесят акров прибрежного участка. Она позвонила у боковой двери. Открыл охранник, проверил ее имя в списке и направил в офис заместителя начальника тюрьмы, массивного квадратного человека со старомодной военной прической ежиком и изрытым ямками от юношеских угрей лицом. Звали его Говардом Паттерсоном.

– Буду крайне признательна, если расскажете мне об Абрахаме Уилсоне, – начала Дженнифер.

– Если ищете утешения, вряд ли найдете его здесь.

Паттерсон взглянул на лежавшее перед ним досье.

– Уилсон почти всю жизнь провел в тюрьме. Выходил и снова садился. В одиннадцать его поймали на краже автомобиля, в тринадцать арестовали за грабеж, в пятнадцать загребли за изнасилование, в восемнадцать он стал сутенером и отбыл срок за то, что довел одну из своих девок до больницы... – Он пролистал досье. – Легче перечислить то, чего он не творил. За ним числятся ножевые ранения, вооруженное ограбление и, наконец, самое страшное – убийство.

Ничего не скажешь, жуткий «послужной список»...

– Есть хоть какой-то шанс, что Уилсон не убивал Реймонда Торпа?

– Нет. Уилсон признался, но даже если бы он все отрицал, это ничего бы не изменило. У нас сто двадцать свидетелей.

– Могу я увидеть мистера Уилсона?

Паттерсон медленно поднялся.

– Разумеется. Но вы зря тратите время.

Большого уroda, чем этот Уилсон, Дженнифер в жизни не встречала. Угольно-черный, с переломанным в нескольких местах носом, выбитыми передними зубами и ускользающим взглядом крошечных глазок на исполосованной шрамами физиономии, ростом он был не менее шести футов четырех дюймов, хорошо сложен, мускулист и крепко стоял на огромных плоских ступнях. Если бы Дженнифер попросили охарактеризовать Уилсона одним словом, она ответила бы «угрожающий». Можно представить впечатление, производимое этим человеком на присяжных!

Абрахам Уилсон и Дженнифер сидели в строго охраняемой комнате для свиданий, разделенные толстой металлической сеткой. У двери стоял охранник. Уилсона привели из одиночки, и его не привыкшие к свету пуговичные глазки часто моргали. Если Дженнифер по дороге думала, что скорее всего не возьмется за дело, то, увидев Уилсона, отбросила последние сомнения. Даже просто сидя напротив этого человека, она остро ощущала волну ненависти, исходившую от него.

Дженнифер заговорила первая:

– Я Дженнифер Паркер. Адвокат. Отец Райан просил ме-

ня побеседовать с вами.

Уилсон плюнул прямо на решетку, забрызгав Дженнифер слюной.

– Гребаный благодетель!

Прекрасное начало, ничего не скажешь!

Дженнифер намеренно не стала вытирать слюну.

– Вы в чем-то нуждаетесь, мистер Уилсон?

Он ответил, беззубо улыбаясь:

– Да, беби, неплохо бы завалиться с бабой на часок-другой. Понятно тебе?

Дженнифер проигнорировала выпад.

– Не хотите рассказать, что случилось?

Ярость, так и хлеставшая из него, пугала ее.

– Эй, если тебе нужна история моей жизни, плати!

Я собираюсь продать ее в кино. И может, сам сыграю главную роль.

– Боюсь, я ничем не могу помочь вам, если сначала вы не поможете мне, мистер Уилсон. Я обещала отцу Райану приехать и поговорить с вами.

Уилсон снова расплылся в беззубой улыбке:

– Очень любезно с твоей стороны, милочка. Уверена, что не передумаешь насчет побарахтаться со мной в койке?

Дженнифер встала. С нее достаточно.

– Вы всех ненавидите?

– Вот что я тебе скажу, цыпочка: побудь в моей шкуре, а я побуду в твоей, а потом мы потрындим о ненависти.

Дженнифер смотрела в уродливое черное лицо, медленно осознавая сказанное этим человеком. И снова опустилась на стул.

– Абрахам, не хотите рассказать свою версию истории?

Он молча смотрел ей в глаза. Дженнифер ждала, задаваясь вопросом, каково бы ей было в этой изборожденной шрамами черной шкуре. А ведь еще множество шрамов скрывалось в его душе.

Оба долго молчали. Наконец Абрахам выпалил:

– Я убил сукина сына.

– Но за что?

Он пожал плечами:

– Этот ублюдок набросился на меня с огромным мясницким тесаком...

– Не пытайтесь меня одурачить. Заключение не бегают по тюрьме с тесакми.

Лицо Уилсона стало непроницаемым.

– Проваливайте отсюда на хрен, леди! Я за вами не посылал. И больше не привязывайтесь ко мне. Я занятой человек, мне ваши игры ни к чему.

Повернувшись, он отошел к охраннику, и оба тут же исчезли.

Вот и все. Но теперь Дженнифер, по крайней мере, могла честно сказать отцу Райану, что поговорила с заключенным и больше ничего не может сделать.

Другой охранник вывел Дженнифер из здания. Она на-

правилась к главным воротам, думая об Уилсоне. Она сразу настроилась против этого человека и потому сделала то, на что не имела права, – осудила его, объявила виновным, хотя его еще даже не судили. Возможно, на него действительно напали, пусть и не с ножом, конечно, но с камнем или кирпичом.

Дженнифер нерешительно остановилась. Внутренний голос просто вопил, умоляя вернуться в Манхэттен и забыть об Абрахаме Уилсоне.

И все же Дженнифер, повернувшись, решительно направилась в офис заместителя начальника тюрьмы.

– Тяжелый случай, – заметил Говард Паттерсон. – Когда мы можем, то проводим психотерапию вместо наказания, но Уилсон зашел слишком далеко. Единственное, что успокоит его, – электрический стул.

«Что за странная логика?» – подумала Дженнифер.

– Уилсон сказал, что убитый напал на него с мясницким тесаком.

– Полагаю, это возможно.

– То есть как это «возможно»? – растерялась Дженнифер. – Хотите сказать, здесь заключенные разгуливают с ножами? С мясницкими тесаками?

Паттерсон пожал плечами:

– Мисс Паркер, у нас тут сто сорок заключенных, и некоторые невероятно хитры. Пойдемте, я вам покажу кое-что.

Он повел Дженнифер по длинному коридору к запертой комнате, выбрал ключи из тех, что висели на большом кольце, открыл дверь и включил свет. Они оказались в маленькой пустой комнате с полками по стенам.

– Здесь у нас ящик с игрушками заключенных.

Он подошел к большому ящику и поднял крышку.

Дженнифер, не веря глазам, уставилась на то, что там лежало.

– Я хочу снова видеть своего клиента, – сказала она наконец.

Глава 6

Дженнифер готовилась к процессу Абрахама Уилсона, как в жизни никогда ни к чему не готовилась. Она проводила бесконечные часы в юридической библиотеке, читая о подобных процессах и методах защиты, подолгу беседовала с клиентом, с трудом выуживая любую информацию, что было очень нелегко: Уилсон с самого начала вел себя грубо.

– Хочешь узнать обо мне все, сладенькая? Я впервые трахнул бабу в десять. А тебе сколько было?

Дженнифер старалась не обращать внимания на его ненависть и презрение, поскольку была уверена: за ними кроется глубочайший страх. Поэтому она упорствовала, требуя рассказов о детстве Уилсона, о его родителях, обо всем, что превратило мальчика в преступника. Через несколько недель нерешительность Абрахама уступила место заинтересованности, а потом изумлению. Прежде его не занимало, кто он есть на самом деле и почему стал таким.

Настойчивые, упорные вопросы Дженнифер пробуждали воспоминания – просто неприятные и невыносимо болезненные. Несколько раз во время свиданий с Уилсоном она расспрашивала его об отце, который постоянно и жестоко избивал его. Уилсон требовал от Дженнифер оставить его в покое. Она уходила, но всегда возвращалась.

У нее и раньше почти не было времени на личную жизнь,

а сейчас не осталось и вовсе. Если она не беседовала с Уилсоном, то целыми днями, с утра до полуночи, сидела в офисе, читая все, что могла найти, об убийствах, умышленных и неумышленных. Изучала тысячи апелляций, кратких изложений допросов, письменных показаний, описаний улик, решений, ходатайств. Корпела над материалами о непреднамеренных и преднамеренных преступлениях, самообороне, повторных привлечении к уголовной ответственности за те же преступления, о временном умопомешательстве. Дженнифер искала способы сделать так, чтобы убийство квалифицировали как неумышленное. Абрахам не собирался убивать. Но поверят ли ему присяжные? Особенно местное жюри. Горожане ненавидели заключенных. Дженнифер ходатайствовала о передаче дела в другой судебный округ, и ее ходатайство удовлетворили. Суд состоится на Манхэттене.

Дженнифер предстояло принять важное решение. Позволить ли Уилсону давать показания? Конечно, он способен напугать присяжных, но те, по крайней мере, услышат всю историю из его уст и, может, немного посочувствуют. Проблема заключалась в том, что при этом выйдет наружу его прошлое и станет известно, что до этого он уже убивал.

И еще она гадала, какого помощника назначит Ди Силва на процесс. У него было немало весьма способных подчиненных, и Дженнифер заранее изучала их методы работы.

Она проводила много времени в Синг-Синге, изучая сцену убийства во дворе для прогулок, разговаривая с охран-

никами и Абрахамом, расспрашивала десятки заключенных, оказавшихся свидетелями убийства.

– Торп напал на Уилсона с ножом, – говорила она. – Вы должны были видеть этот нож.

– Я? Ничего я не видел.

– Но вы же были там.

– Леди, я ничего не видел.

Никто не хотел иметь отношения к этому делу.

Иногда Дженнифер выкраивала время, чтобы поесть спокойно, но обычно довольствовалась сэндвичем из кафетерия на первом этаже здания суда. Она сильно похудела, и ее все чаще мучило головокружение. Кен начинал тревожиться за нее. Однажды он повел ее к «Форлиниз», напротив здания суда, и заказал большой ленч.

– Намерена расстаться с жизнью? – упрекнул он.

– Конечно, нет.

– Когда ты в последний раз смотрелась в зеркало?

– Не помню.

– Если у тебя есть хоть капля здравого смысла, ты откажешься от дела, – заявил Кен, помолчав.

– Почему?

– Потому что ты превращаешься в тарелочку для стрельбы. Я кое-что слышал. Репортеры наизнанку выворачиваются – так им не терпится снова до тебя добраться.

– Я адвокат, – упрямо твердила Дженнифер, – а Уилсон

имеет право на справедливый суд. И я постараюсь, чтобы это право осуществилось. – Заметив озабоченность на лице Бейли, она покачала головой: – Не волнуйтесь. Дело будет не так широко освещаться.

– Да неужели? Знаешь, кто будет обвинителем?

– Нет.

– Роберт Ди Силва.

Дженнифер подошла ко входу в здание уголовного суда на Леонард-стрит и протолкнулась через толпу людей в вестибюле: полицейских в мундирах, детективов, одетых как хиппи, адвокатов, которых было легко различить по неизменным портфелям. Дженнифер прошла мимо большого круглого стола информации, за которым никогда никого не было, вошла в кабинку лифта и поднялась на шестой этаж. Она собиралась повидать окружного прокурора. Миновал почти год после скандальной встречи Дженнифер с Робертом Ди Силвой, и она не слишком стремилась видеть его снова.

Решение стоило Дженнифер трех бессонных ночей, но в конце концов перевесила необходимость действовать в интересах клиента. Дело Уилсона не было так уж важно для Силвы, чтобы вести процесс лично. Значит, единственная причина его участия – сама Дженнифер. Ди Силва жаждал мести. Собирается преподать Дженнифер достойный урок. Поэтому она решила, что другого выхода, кроме как отказаться

от защиты Уилсона, у нее нет. Нельзя было позволять, чтобы его казнили из-за сделанной ею ошибки. Если она откажется от дела, Ди Силва, возможно, отнесется к подсудимому более снисходительно.

И теперь Дженнифер шла к Ди Силве, чтобы спасти жизнь Абрахаму Уилсону.

Странное это чувство – вновь воскрешать прошлое. Оно воскресло, когда она поднялась на шестой этаж и направилась к знакомой двери с табличкой:

ОКРУЖНОЙ ПРОКУРОР. ОКРУГ НЬЮ-ЙОРК

Та же секретарь сидела за тем же столом.

– Я Дженнифер Паркер. Мне назначено...

– Заходите, – перебила секретарь. – Округной прокурор ждет вас.

Ди Силва сидел за столом, жевал мокрую сигару и отдавал приказы помощникам. При виде Дженнифер он вскинул голову:

– Я был готов биться об заклад, что вы не покажете сюда носа.

– Но я здесь.

– Мне казалось, что к этому времени вы смоетесь из города поджав хвост. Что вам нужно?

Напротив письменного стола стояло два стула, но Ди Силва не предложил ей сесть.

– Я пришла поговорить о своем клиенте, Абрахаме Уилсоне.

Прокурор сел, развалился в кресле и сделал вид, что вспоминает:

– Абрахам Уилсон... О да. Тот ниггер-убийца, который и в тюрьме избил человека до смерти. У вас не будет особых проблем с его защитой. – Он глянул на помощников, и те мгновенно вышли. – Итак, советник?

– Я бы хотела подать ходатайство.

Ди Силва с преувеличенным изумлением уставился на нее:

– Хотите сказать, что пришли заключить соглашение? Вы меня поражаете! Я считал, что такой юридический гений, как вы, сможет освободить его прямо в зале суда.

– Мистер Ди Силва, я знаю, что все считают дело заведомо проигранным, но есть смягчающие обстоятельства. Абрахам Уилсон был...

– Давайте перейдем на язык юридических терминов, который вы вполне можете понять, советник, – перебил Ди Силва. – Можете взять ваши смягчающие обстоятельства и засунуть себе в задницу!

Дженнифер не успела ответить: вскочив, он выпалил дрожащим от ярости голосом:

– Заключить с вами соглашение, леди? Вы мне жизнь испортили! Есть тело убитого, и ваш мальчик будет дергаться под током. Слышали? Моя цель – добиться, чтобы его послали на электрический стул!

– Я пришла, чтобы отказаться от защиты. Вы можете пе-

реквалифицировать это как неумышленное убийство. Уилсону уже дали пожизненное. Вы могли бы...

– Ни за что. Он виновен в убийстве, и на этом точка.

Дженнифер пыталась сдержать гнев.

– Я думала, что это должны решать присяжные.

Ди Силва невесело усмехнулся:

– Вы не представляете, как согревает душу визит специалиста вроде вас, который заявляется в мой офис и объясняет основы юриспруденции.

– Неужели мы не можем забыть о личных распрах? Я...

– Никогда, пока я жив! Передайте привет своему другу Майклу Моретти.

Выйдя из здания суда, Дженнифер отправилась пить кофе с Кеном Бейли.

– Не знаю, что делать, – посетовала она. – Я думала, что, если откажусь от защиты, у Уилсона будет больше шансов, но Ди Силва ничего и слышать не хочет. Жаждет поквитаться не с Уилсоном, а со мной.

Кен задумчиво посмотрел на нее.

– Может, он пытается запугать тебя? Хочет, чтобы ты струсила и сбежала.

– Я уже струсила и бегу. – Она глотнула кофе, показавшегося ужасно горьким. – Это скверное дело. Достаточно присяжным взглянуть на этого Уилсона, и они вынесут смертный приговор.

– Когда начинается суд?

– Через четыре недели.

– Я могу чем-то помочь?

– Угу. Заказать Ди Силву.

– Как по-твоему, можно ли каким-то способом добиться оправдательного приговора?

– Взгляни на это с точки зрения пессимиста. Я веду свой первый процесс против самого грозного и умного окружного прокурора в стране, который к тому же затаил злобу против меня и готов мстить любой ценой, а мой клиент – получивший пожизненное чернокожий убийца, который убил еще раз в присутствии ста двадцати свидетелей.

– Супер! А если с точки зрения оптимиста?

– Сегодня днем меня может сбить грузовик.

До начала суда осталось всего три недели, и Дженнифер договорилась, что Абрахама Уилсона переведут в тюрьму на Райкерс-Айленде. Его поместили в Дом тюремного содержания для мужчин, самую большую и старую каталажку на острове. Там сидело девяносто пять процентов заключенных, ожидающих суда за преступления: убийства, поджоги, насилие, вооруженный грабеж и содомию.

На острове не разрешалось использовать личный транспорт, и Дженнифер подвезли в маленьком зеленом автобусе к серому зданию пропускного пункта, где она показала удостоверение. В зеленой будке слева от здания находились

два вооруженных охранника, а дальше – ворота, где останавливали всех несанкционированных посетителей. Оттуда ее повезли по Хейзен-стрит, маленькой дороге, которая шла вдоль всей тюрьмы, к зданию Центра Анны М. Кросс, где Абрахам Уилсон ждал ее в комнате собеседований, поделенной на восемь клетушек.

Проходя по длинному коридору, Дженнифер думала, что все это похоже на зал ожидания в аду. Здесь царил невероятная какофония звуков. Тюрьма была выстроена из кирпича, стали, камня и кафеля. Стальные ворота непрерывно лязгали, открываясь и закрываясь. В каждом тюремном блоке содержалось более ста человек, говоривших и кричавших одновременно; два телевизора, включенных на разные каналы, орали наперебой, и ко всему этому добавлялся кантри-рок, несшийся из динамиков музыкальной системы. В здании постоянно находились триста охранников, и их вопли перекрывали даже эту тюремную симфонию.

Охранник сказал Дженнифер, что тюремное общество самое вежливое в мире: если один заключенный случайно задевает другого, то немедленно извиняется, иначе мало ли во что это выльется. Заключенные – люди непростые, и самая ничтожная мелочь...

Дженнифер сидела напротив Уилсона и думала: «Его жизнь в моих руках. Если он умрет, то лишь потому, что я его подвела».

Она смотрела в его глаза и видела в них отчаяние.
– Я сделаю все, что могу, – пообещала Дженнифер.

За три дня до начала процесса она узнала, что председательствующим судьей назначен distinguished Лоуренс Уолдман, который также вел процесс Майкла Моретти, после чего пытался добиться исключения Дженнифер из корпорации адвокатов.

Глава 7

Суд над Абрахамом Уилсоном должен был начаться утром понедельника в конце сентября 1970 года. Дженнифер проснулась в четыре утра, уставшая, с тяжелыми веками. Она почти не спала, а когда дремала, видела сны, в которых Ди Силва, вызвав ее к свидетельскому месту, допрашивал о связях с Майклом Моретти. Каждый раз, когда Дженнифер пыталась отвечать на вопросы, присяжные хором скандировали: «Лгунья! Лгунья! Лгунья!»

Сны были разными и в то же время одинаковыми. В последнем Абрахама Уилсона привязывали к электрическому стулу, а когда Дженнифер наклонилась, чтобы утешить его, получила плевков в лицо.

Она проснулась, дрожа как в лихорадке, просидела в кресле до рассвета, любуясь восходом, и так сильно нервничала, что даже есть не могла. Жаль, что она не выспалась. Жаль, что ее так трясет от напряжения. Скорей бы закончился этот день!

Стоя под душем и одеваясь, она терзалась предчувствием беды. Ей хотелось надеть черное, но она выбрала зеленую копию костюма «Шанель», купленную на распродаже в «Леманс».

В восемь тридцать Дженнифер прибыла к зданию суда, чтобы выступить защитником на процессе «Народ Нью-Йор-

ка против Абрахама Уилсона».

У входа уже собралась толпа, и первой мыслью Дженнифер было, что произошел несчастный случай. Но потом увидела целую батарею телевизионных камер и микрофонов, и, прежде чем осознала, что случилось, ее окружили репортеры.

– Мисс Паркер, это ваш первый судебный процесс, не так ли? С того времени как вы развалили дело Майкла Моретти?

Кен Бейли предупреждал ее: она их главная мишень, не ее клиент. Репортеры кружили подобно стервятникам, а она для них была чем-то вроде падали.

Молодая особа в джинсах сунула микрофон в лицо Дженнифер:

– Это правда, что окружной прокурор Ди Силва решил вас доконать?

– Без комментариев. – Дженнифер принялась проталкиваться ко входу.

– Прошлым вечером окружной прокурор заявил, что вам не следует позволять защищать закон в судах Нью-Йорка. Что вы можете сказать на этот счет?

– Без комментариев. – Дженнифер почти добралась до входа.

– В прошлом году судья Уолдман пытался исключить вас из корпорации адвокатов. Собираетесь ли вы просить его добровольно устраниваться от...

Но Дженнифер уже была в здании.

Заседание должно было проходить в зале номер тридцать семь. Коридор был запружен людьми, пытавшимися войти, но зал был уже переполнен. Там царила атмосфера карнавала, слышался гул голосов. Для прессы поставили несколько дополнительных рядов кресел – очевидно, об этом позаботился Ди Силва.

Абрахам Уилсон сидел за столом защиты, возвышаясь над всеми. Огромный, злобный, он был одет в темно-синий, слишком тесный костюм и белую рубашку с голубым галстуком, купленными для него Дженнифер. Но и это не помогло. Даже в костюме Уилсон выглядел уродливым убийцей.

Дженнифер тяжело вздохнула. С таким же успехом он мог оставаться в тюремной робе.

Уилсон вызывающе осматривал зал заседаний, враждебно глядя на всякого, кто встречался с ним взглядом. Дженнифер уже успела узнать своего клиента достаточно хорошо, чтобы понять: под его зловещей маской скрывается примитивный страх, – но всякий, включая судью и присяжных, видел только злобу и ненависть. Этот гигант воплощал в себе угрозу. И они посчитают его человеком, которого нужно бояться. Которого следует уничтожить.

В Уилсоне не было ни единой вызывающей симпатию черты. В нем не было ничего вызывающего сочувствие. Уродливое, покрытое шрамами лицо со сломанным носом и выбитыми зубами, огромное мускулистое тело внушали насто-

ящий ужас.

Дженнифер подошла к столу защиты и села рядом с Уилсоном.

– Доброе утро, Абрахам.

– Не думал, что вы придете, – буркнул он.

Дженнифер вспомнила свой сон, взглянула в маленькие бегающие глазки.

– Вы знали, что я буду здесь.

Он безразлично пожал плечами:

– Какая разница? Меня все равно достанут, беби. Обвинят в убийстве, потом издадут закон, позволяющий сварить меня заживо в кипящем масле. И сварят. Никакого суда не будет. Будет шоу. Надеюсь, вы принесли попкорн.

Вокруг стола обвинителя началась суета. Дженнифер подняла голову как раз в тот момент, когда окружной прокурор Ди Силва занимал свое место. Оказалось, он привел целый отряд помощников. Прокурор, взглянув на Дженнифер, улыбнулся. Она же боролась с нарастающей паникой.

Судебный пристав объявил:

– Встать, суд идет.

Из судейской гардеробной появился судья Лоуренс Уолдман.

– Внимание, внимание! Все, кто участвует в процессе, подойдите ближе, внимательно слушайте, и вас услышат. Председательствует distinguished судья Лоуренс Уолдман.

Единственным, кто отказался встать, был Абрахам Уил-

сон.

– Встаньте! – прошипела Дженнифер.

– Пусть идут на хрен, беби. Им придется подойти и силой меня заставить.

Дженнифер взяла его гигантскую лапу в свою.

– Встаньте, Абрахам. Мы обязательно их побьем.

Он долго смотрел на нее, прежде чем неохотно подняться.

Судья занял место на скамье. Публика расселась. Пристав вручил судье повестку дня.

– Народ штата Нью-Йорк против Абрахама Уилсона, обвиняемого в убийстве Реймонда Торпа.

Первым порывом Дженнифер было выбирать в состав присяжных только негров, но теперь она не была так уверена в правильности решения. И все из-за Уилсона. Он был изгоем. Ренегатом. Убийцей. «Позором их расы». Они осудят его с большей готовностью, чем белые. Все, что она смогла сделать, – не допустить очевидных ханжей в жюри присяжных. Беда в том, что ханжи обычно не выставляют напоказ свои предрассудки и выжидают момента, чтобы нанести удар.

К вечеру следующего дня Дженнифер использовала все свои десять отводов без указаний причин и чувствовала, что ведет допрос потенциальных членов жюри вяло и неловко, тогда как Ди Силва был бодр и энергичен. У него открылся талант располагать к себе присяжных, входить к ним в доверие и завоевывать симпатию.

Как она могла забыть, что Ди Силва – прекрасный актер?

Ди Силва не воспользовался отводами без указаний причин, пока Дженнифер не истощила свои. И она не могла понять почему.

Слишком поздно она обнаружила причину: Ди Силва перехитрил ее. Среди потенциальных членов жюри были частный детектив, менеджер банка и мать доктора – все имели прочное положение в обществе, и теперь Дженнифер ничего не могла сделать, чтобы не допустить их в жюри. Окружной прокурор уже не впервые обрушился на нее всей своей мощью.

Слово было предоставлено стороне обвинения.

– Прежде всего позвольте мне поблагодарить вас, леди и джентльмены, – начал Ди Силва, обращаясь к присяжным, – за то, что пожертвовали своим драгоценным временем ради этого процесса. – За первой фразой последовала сочувственная улыбка. – Я знаю, как участие в жюри присяжных может нарушить течение привычной жизни. У каждого из вас есть работа и семьи, требующие внимания.

Можно подумать, он один из них. Тринадцатый член жюри! Ди Силва продолжил:

– Обещаю отнять у вас как можно меньше времени. В действительности дело крайне простое. Вон там сидит ответчик Абрахам Уилсон. Штат Нью-Йорк обвиняет его в убийстве такого же заключенного тюрьмы Синг-Синг Реймонда Торпа. Нет никаких сомнений в том, что он это сделал. Адвокат мистера Уилсона собирается представить убийство как

самооборону.

С этими словами прокурор повернулся к Уилсону, и взгляды присяжных устремились в ту же сторону. Дженнифер по лицам увидела их реакцию и заставила себя сосредоточиться на речи Ди Силвы.

– Много лет назад двенадцать таких же, как вы, граждан проголосовали за пожизненное заключение для мистера Уилсона. Вследствие определенных юридических формальностей, подробности которых я не уполномочен обсуждать с вами, присяжные искренне поверили, что эта мера позволит воспрепятствовать Абрахаму Уилсону совершать преступления и дальше. Как это ни трагично, они ошиблись. Уилсон оказался способен снова нанести удар, убить, чтобы удовлетворить жажду крови. Теперь мы знаем единственный способ помешать Уилсону снова убить. Это казнь на электрическом стуле. Конечно, мы не вернем Реймонда Торпа, но можем спасти жизнь другим людям, которые в противном случае могут стать следующими жертвами ответчика.

Ди Силва прошелся вдоль ложи, глядя в глаза каждому присяжному.

– Я пообещал, что этот процесс не отнимет у вас много времени, и скажу почему. Ответчик, сидящий на той скамье, безжалостно убил человека. Он признался в убийстве. Но даже если бы и не признался, у нас достаточно свидетелей, видевших, как Абрахам Уилсон хладнокровно покончил с тем, кого считал врагом. И свидетелей этих более сотни. Да-

вайте остановимся на слове «хладнокровно». Убийство по любой причине омерзительно – мне и вам, разумеется, тоже, – но иногда убийства совершаются по причинам, которые, по крайней мере нам, бывают понятны. Скажем, если кто-то, вооружившись, угрожает вашим родным и любимым: ребенку, мужу или жене. Если при вас есть пистолет, можете нажать спусковой крючок, чтобы спасти жизнь дорогого вам человека. Конечно, никто не одобрит подобных действий, но, по крайней мере, можно понять причину. Возьмем другой пример: если среди ночи вас внезапно разбудил бандит, угрожающий вашей жизни, и у вас появился шанс убить его... думаю, все мы поймем, что может произойти. И это не сделает нас закоренелыми убийцами или порочными людьми, не так ли? Это то, что мы совершили под влиянием момента. – Тон Ди Силвы стал жестче, когда он продолжил: – Но сейчас речь идет о хладнокровном убийстве. Отнять жизнь у другого человека, равнодушно и безжалостно, сделать это ради денег, или наркотиков, или из чистого наслаждения убивать...

Он намеренно настраивал присяжных против подсудимого, но не переходил границ, чтобы никто не мог заявить о нарушении закона.

Дженнифер следила за лицами присяжных, и ей было ясно, что Ди Силва перетянул их на свою сторону. Они соглашались с каждым его словом, недаром кивали и хмурились сейчас и только что не аплодировали ему. Прокурор был ди-

рижером оркестра, состоявшего из присяжных. Дженнифер ни разу не видела ничего подобного. Каждый раз, когда Ди Силва упоминал имя Уилсона – а он упоминал его почти в каждом предложении, – присяжные сразу поворачивались в сторону ответчика. Дженнифер предупредила Уилсона, чтобы тот не смотрел на них. Снова и снова вдабливала, чтобы он глазел в какую угодно сторону, только не на ложу присяжных, поскольку от него исходил вызов, способный взбесить кого угодно. Но теперь Дженнифер, к своему ужасу, заметила, что взгляд Уилсона прикован именно к ложе жюри. Агрессия буквально била из него фонтаном.

– Абрахам, – тихо остерегла она.

Он не отвернулся.

Окружной прокурор заканчивал вступительную речь:

– В Библии говорится «око за око, зуб за зуб». Это отмщение. Штат не просит об отмщении. Только о правосудии. О правосудии для несчастного, которого Уилсон хладно-кровно, повторяю – хладнокровно, убил. Благодарю вас.

Он снова сел.

Судья дал слово защите. Поднявшись, Дженнифер обернулась к ложе жюри и отчетливо ощутила исходившие оттуда неприязнь и нетерпение. Она читала книги об адвокатах, способных читать мысли присяжных, и скептически усмеялась. Но теперь вдруг все поняла. Настрой присяжных был вполне ясен. Они уже решили, что ее клиент виновен, и теряли терпение, поскольку она отнимала у них время. Из-за

нее они были вынуждены сидеть здесь, вместо того чтобы заняться важными делами, о которых говорил их друг, окружной прокурор. А Дженнифер и Абрахам Уилсон были их врагами.

Дженнифер, глубоко вздохнув, начала:

– Прошу разрешения вашей чести начать. Леди и джентльмены, причина, по которой у нас есть залы заседаний, причина, по которой мы все здесь сегодня собрались, заключается в том, что закон в мудрости своей знает: в каждом деле всегда есть две стороны. Слушая, как окружной прокурор нападает на моего клиента, слушая, как объявляет его виновным, не дожидаясь вердикта присяжных, вашего вердикта, вряд ли кто-то посчитал бы, что это так.

Она всматривалась в их лица в поисках сочувствия и поддержки. Ничего. И все же она продолжила:

– Окружной прокурор Ди Силва непрестанно повторял: «Абрахам Уилсон виновен». Но это ложь. Судья Уолдман скажет вам, что ни один ответчик не считается виновным, пока жюри присяжных не вынесет обвинительный приговор. Для этого мы и собрались здесь: понять, виновен он или нет. Абрахам Уилсон обвиняется в убийстве заключенного тюрьмы Синг-Синг. Но он убил не из-за денег или наркотиков. Он убил, чтобы спасти свою жизнь. Вы помните те мудрые примеры, которые приводил окружной прокурор, объясняя разницу между хладнокровным убийством или убийством во имя самообороны? Последнее случается, когда мы защища-

ем тех, кого любим, или спасаем свою жизнь. Вот и Уилсон убил, спасая свою жизнь, и я заявляю, что всякий сидящий в этом зале сделал бы то же самое, окажись он в подобных обстоятельствах.

Но мы с окружным прокурором согласны в одном: каждый человек имеет право защищать собственную жизнь. Если бы Абрахам Уилсон не действовал именно так, то был бы уже мертв.

Голос Дженнифер звенел. Она забыла свою нервозность, охваченная страстью убеждения.

– Я прошу каждого из вас помнить об одном – по закону штата обвинение должно неопровержимо доказать, что убийство было совершено не с целью самообороны. И прежде чем закончится суд, мы представим все доказательства того, что Реймонд Торп первым пытался убить моего подзащитного. Благодарю вас.

Начался парад свидетелей обвинения. Ди Силва не упустил ни единой возможности. Среди свидетелей, призванных обрисовать характер убитого, были священник, тюремные охранники и заключенные. Один за другим они описывали идеальный характер и миролюбивый нрав покойного.

Заканчивая допрос свидетеля, окружной прокурор каждый раз обращался к Дженнифер:

– Свидетель ваш.

И каждый раз Дженнифер отвечала:

– Вопросов нет.

Она понимала, что нет смысла пытаться уличить свидетелей в обмане. К тому времени когда допрос был закончен, всякий мог бы подумать, что Торп лишь по ошибке не попал в сонм святых. Охранники, тщательно проинструктированные Ди Силвой, свидетельствовали, что Торп был идеальным заключенным, который делал много хорошего и стремился помогать собратям по несчастью. Тот факт, что Реймонд Торп был осужден за ограбление банка и изнасилование, оставался единственным крошечным пятнышком на его прекрасной репутации.

Слабо выстроенную линию защиты сильно пошатнуло описание внешности Торпа. Он был тощим коротышкой – ростом всего пять футов девять дюймов. Роберт Ди Силва не давал присяжным забыть об этом и постоянно повторял, что Уилсон яростно атаковал беднягу и разбил ему голову о бетонную стену, в результате чего тот скончался на месте. При этом взгляды присяжных не отрывались от гигантского ответчика, буквально подавлявшего сидевших в зале.

– Возможно, мы никогда не узнаем, что заставило Абрахама Уилсона напасть на безвредного, беззащитного маленького человечка... – говорил прокурор.

Сердце Дженнифер неожиданно подскочило. Одно слово Ди Силвы дало ей шанс, в котором она так нуждалась.

– Возможно, мы никогда не узнаем причины яростного нападения, но одно нам точно известно, леди и джентль-ме-

ны: дело не в том, что убитый представлял угрозу для Абрахама Уилсона. Самооборона, говорите? – Прокурор повернулся к судье. – Ваша честь, вы не прикажете ответчику подняться?

Уолдман взглянул на Дженнифер:

– У защиты есть возражения?

Дженнифер понятия не имела, что сейчас случится, но знала, что любое возражение будет не в ее пользу:

– Нет, ваша честь.

– Прошу ответчика подняться, – произнес судья.

Абрахам с минуту оставался неподвижен, вызываясь глядя на судью, затем медленно выпрямился во все свои шесть футов четыре дюйма.

– Здесь есть пристав, мистер Гэйлин, рост которого пять футов девять дюймов, в точности такой, каким был убитый Реймонд Торп. Мистер Гэйлин, прошу вас встать рядом с ответчиком.

Пристав выполнил просьбу. Контраст был убийственным. Дженнифер поняла, что ее снова переиграли, что тут можно было поделаться? Визуальное впечатление невозможно стереть.

Окружной прокурор немного постоял, глядя на обоих, после чего почти прошептал:

– Самооборона?

Ход процесса превзошел худшие кошмары Дженнифер.

Она видела, что жюри стремится поскорее покончить с формальностями и вынести обвинительный приговор.

Кен сидел среди зрителей, и в перерыве у Дженнифер появилась возможность перебраться с ним несколькими словами.

– Трудно тебе приходится, – с сочувствием произнес Кен. – Жаль, что у тебя в клиентах настоящий Кинг Конг. Иисусе, одного взгляда на него достаточно, чтобы насмерть перепугаться!

– Он в этом не виноват.

– Как говорится в старой песенке, он мог бы остаться дома⁴. Ну а как ты ладишь с нашим уважаемым окружным прокурором?

Дженнифер невесело улыбнулась:

– Мистер Ди Силва дал понять, что намеревается изгнать меня из числа адвокатов.

Когда чередой свидетелей обвинения иссякла и настала очередь свидетелей защиты, Дженнифер попросила вызвать Говарда Паттерсона.

Заместитель начальника тюрьмы Синг-Синг не-охотно поднялся и направился к свидетельскому месту. Глаза всех присутствующих были устремлены на него. Роберт Ди Силва не сводил взгляда с Паттерсона, пока того приводили к присяге. В ту минуту прокурор просчитывал все возможности.

⁴ Автор вольно цитирует песню Боба Дилана «Жалею бедного иммигранта».

Он знал, что выиграл дело, и уже готовил победную речь.

– Не расскажете ли присяжным свою биографию, мистер Паттерсон? – обратилась к свидетелю Дженнифер.

Прокурор тут же вскочил:

– Штат обойдется без биографии мистера Паттерсона, чтобы сэкономить время. С нас достаточно того, что он заместитель начальника тюрьмы Синг-Синг.

– Благодарю вас, – кивнула Дженнифер. – Думаю, присяжным следует знать, что мистера Паттерсона пришлось вызывать сюда повесткой. Он здесь как враждебно настроенный свидетель. Не правда ли, мистер Паттерсон? Когда я просила вас прийти сюда добровольно и свидетельствовать в пользу моего клиента, вы отказались. Это правда?

– Да.

– Не скажете присяжным, почему вам пришлось прислать повестку?

– С удовольствием. Я всю свою жизнь имею дело с людьми, подобными Уилсону. Они прирожденные смутьяны.

Роберт Ди Силва улыбался во весь рот.

– Смотри, она сама лезет в петлю, – шепнул он помощнику, оглядывая присяжных.

– Мистер Паттерсон, Абрахам Уилсон сидит здесь не за то, что всю жизнь был смутьяном. Ему грозит смертный приговор. Неужели вы не хотите помочь человеку, несправедливо обвиненному в тяжком преступлении?

- Хочу, если он обвинен несправедливо, – подчеркнул Паттерсон, чем вызвал понимающие кивки присяжных.
- Скажите, а прежде в тюрьме тоже бывали убийства?
- Когда сотни преступников заперты вместе в искусственно созданной среде, в них создается огромный заряд злобы, и тогда...
- Просто «да» или «нет», мистер Паттерсон.
- Да.
- Можете заключить по вашему немалому опыту, что убийства происходили по самым различным мотивам?
- Полагаю, что так. Иногда...
- «Да» или «нет», пожалуйста.
- Да.
- Бывал ли в подобных убийствах такой мотив, как самооборона?
- Ну... иногда... – начал он, но, увидев выражение лица Дженнифер, сдался: – Да.
- Итак, повторяюсь: основываясь на вашем огромном опыте, можно сказать, что, убивая Торпа, Уилсон боролся за собственную жизнь?
- Я не думаю...
- Я спросила, возможно ли это. «Да» или «нет».
- Крайне маловероятно, – упорно бубнил Паттерсон. Дженнифер обратилась к судье Уолдману:
- Ваша честь, пожалуйста, потребуйте от свидетеля ответить на вопрос.

– Да.

Но присяжные отметили, что его отношение к Уилсону было явно отрицательным.

– Если позволит суд, я представлю полученные от свидетеля материалы, которые хочу предъявить как доказательства.

Прокурор встал:

– Что это за материалы?

– Материалы, который докажут нашу версию самообороны.

– Протестую, ваша честь.

– Против чего именно? – осведомилась Дженнифер. – Вы еще ничего не видели.

– Суд воздерживается от решения, пока не увидит доказательства, – объявил судья. – На карте стоит жизнь человека, и защитник имеет право представлять все возможные свидетельства.

– Спасибо, ваша честь. – Дженнифер повернулась к Паттерсону: – Вы привезли это с собой?

Он кивнул, поджав губы:

– Да. Но сделал это против воли.

– По-моему, вы очень ясно дали это понять, мистер Паттерсон. Можем мы увидеть доказательства?

Говард Паттерсон устремил взгляд в ту сторону, где среди зрителей сидел человек в мундире тюремного охранника. По кивку Паттерсона мужчина встал и вышел вперед с большим

деревянным ящиком в руках.

Дженнифер взяла у него ношу.

– Защита представляет ящик, обозначенный как вещественное доказательство «А».

– Что это? – не выдержал прокурор.

– Это называется «ящик с игрушками», ваша честь.

По рядам свидетелей прошел шепоток.

Судья, вскинув брови, медленно произнес:

– Говорите, ящик с игрушками? И что же в нем, мисс Паркер?

– Оружие. Оружие, сделанное заключенными Синг-Синга с целью...

– Протестую! – снова вскочил окружной прокурор и поспешил к судье.

– Я готов пойти на некоторые уступки, учитывая неопытность моего оппонента, ваша честь, но если она намеревается заниматься уголовным правом, неплохо бы изучить основные правила предъявления доказательств. Нет никаких улик, связывающих так называемый «ящик с игрушками» с делом, которое рассматривается в этом суде.

– Этот ящик доказывает...

– Этот ящик ничего не доказывает, – уничтожающе бросил прокурор и, обращаясь к судье, добавил: – Штат протестует против представления этого доказательства как не относящегося к делу.

– Протест принят.

Дело рассыпалось на глазах Дженнифер. Все было против нее: судья, присяжные, Ди Силва, доказательства. Ее клиент отправится на электрический стул, если только не...

Дженнифер глубоко вздохнула.

– Ваша честь, доказательство жизненно важно для нашей защиты. Я считаю...

– Мисс Паркер, – перебил судья, – суд не имеет ни времени, ни желания учить вас юриспруденции, но окружной прокурор абсолютно прав: прежде чем прийти в зал заседаний, вам следовало ознакомиться с основными правилами предъявления доказательств. И первое правило запрещает предъявлять доказательство, упоминания о котором не было ни в одном протоколе. В материалах дела ничего не имеется относительно того, был ли вооружен покойник. Следовательно, вопрос об оружии считается не относящимся к делу. Я снимаю его.

Кровь прилила к щекам Дженнифер.

– Простите, – упрямо бросила она, – но он относится к делу.

– Довольно! Можете подать жалобу в вышестоящие инстанции.

– Я не хочу подавать жалобу в вышестоящие инстанции, ваша честь. Это нарушение прав моего подзащитного.

– Мисс Паркер, если будете продолжать в том же духе, я обвиню вас в неуважении к суду.

– Мне совершенно безразлично, сделаете вы это или нет.

Основания для предъявления доказательства были подготовлены самим окружным прокурором.

– Что?! – взорвался Ди Силва. – Я никогда...

Дженнифер обратилась к секретарю:

– Прошу вас прочитать речь мистера Ди Силвы, начиная со строки: «Возможно, мы никогда не узнаем, что заставило Абрахама Уилсона напасть...»

– Ваша честь, и вы это позволите? – перебил окружной прокурор.

Судья Уолдман поднял руку:

– Мисс Паркер, суд не нуждается в том, чтобы вы объясняли здесь основы законодательства. Когда процесс будет закончен, я обвиню вас в неуважении к суду. Но поскольку речь идет о тяжком преступлении, я намерен вас выслушать. Секретарь, можете продолжить.

Секретарь перевернул несколько страниц и начал читать:

– «Возможно, мы никогда не узнаем, что заставило Абрахама Уилсона напасть на безвредного, беззащитного маленького человечка...»

– Довольно, – оборвала Дженнифер. – Благодарю вас.

Взглянув на Ди Силву, она медленно продолжила:

– Это ваши слова, мистер Ди Силва. «Возможно, мы никогда не узнаем, что заставило Абрахама Уилсона напасть на безвредного, беззащитного маленького человечка...» Ключевое слово, ваша честь, «беззащитный». Заявив, что жертва была беззащитной, окружной прокурор оставил нам ла-

зейку, позволившую беспрепятственно доказывать тот факт, что Торп вовсе не был беззащитен и на самом деле мог иметь оружие. Последнее выяснится при перекрестном допросе.

– Окружной прокурор, вынужден признать, что у мисс Паркер появился веский довод. Вы действительно оставили ей лазейку.

Ди Силва, словно не веря собственным ушам, уставился на судью.

– Но я лишь...

– Суд позволяет приобщить к делу вещественное доказательство «А».

Дженнифер мысленно вознесла благодарственную молитву.

– Спасибо, ваша честь, – поблагодарила она и, взяв закрытый ящик, повернулась к жюри. – Леди и джентльмены, в своей заключительной речи окружной прокурор собирался заявить, что все находящееся в этом ящике не может считаться прямой уликой. И будет прав. Он намерен сказать вам, что ничто не связывает это оружие с покойным. И снова будет прав. Я представляю на ваше обозрение это вещественное доказательство по другим причинам. Вот уже несколько дней вы слушаете, как безжалостный неблагонадежный отпрыск ростом шесть футов четыре дюйма подло напал на Реймонда Торпа, рост которого был не более пяти футов четырех дюймов. Обвинение тщательно нарисовало фальшивый портрет садиста-убийцы, негодяя, без видимых причин

убившего другого заключенного. Но спросите себя: разве не любой поступок имеет мотив? Жадность, ненависть, похоть – что угодно! Я уверена – и ставлю жизнь своего подзащитного на эту уверенность, – что у этого убийства был мотив. Единственный мотив, который, как сказал сам окружной прокурор, оправдывает убийство, – самооборона. Человек боролся, чтобы защитить собственную жизнь. По свидетельству Говарда Паттерсона, убийства и раньше происходили в тюрьме. Заключенные действительно ухитряются изготавливать оружие. Что это означает? То, что Реймонд Торп, возможно, имел такое оружие, а ответчик, пытаясь защищаться, был вынужден убить его. С целью самообороны. Если вы решите, что Абрахам Уилсон безжалостно и без всякой мотивации убил Реймонда Торпа, значит, можете смело выносить обвинительный приговор. Однако если при виде этого доказательства у вас появится тень сомнения, ваша обязанность вынести оправдательный приговор.

Ящик был так тяжел, что оттягивал руки. Дженнифер продолжила:

– Впервые заглянув в этот ящик, я не поверила глазам – вы тоже, скорее всего, не поверите, – но прошу вас помнить: ящик был привезен сюда всячески сопротивлявшимся моим уговорам заместителем начальника тюрьмы Синг-Синг. Здесь, леди и джентльмены, целая коллекция оружия, конфискованного у заключенных.

Сделав шаг к ложе присяжных, Дженнифер неожиданно

споткнулась и потеряла равновесие. Ящик выпал, крышка отлетела, и содержимое рассыпалось по полу. Присяжные изумленно ахнули и привстали, чтобы лучше видеть. На полу валялась гора самого разнообразного оружия. Всего предметов было около сотни, всех форм и размеров: самодельные топорики, мясницкие ножи, стилеты, острейшие ножницы с заточенными концами, самопалы, большой, зловещего вида тесак, тонкая проволока с деревянными ручками – инструмент удушения, острый ледоруб, мачете...

Теперь уже публика и репортеры вскочили с мест, пытаясь рассмотреть рассыпавшийся арсенал. Судья Уолдман рассерженно колотил молотком по столу, призывая к порядку.

Наконец он с непроницаемым видом уставился на Дженнифер. Пристав поспешил собрать все с пола, но Дженнифер отстранила его:

– Спасибо, я сама.

Под взглядами присяжных и публики Дженнифер встала на колени и принялась укладывать оружие в ящик. Она делала это медленно, брала оружие осторожно, бесстрастно осматривала каждый предмет, прежде чем разжать пальцы. Присяжные снова заняли места, но наблюдали за каждым ее движением. На все у Дженнифер ушло не менее пяти минут, в продолжение которых окружной прокурор кипел от злости.

Закрыв крышку ящика, она встала, повернулась к Паттерсону и сказала Ди Силве:

– Ваши вопросы к свидетелю.

Было слишком поздно исправлять положение.

– Вопросов нет, – буркнул Ди Силва.

– В таком случае я хотела бы вызвать Абрахама Уилсона

в качестве свидетеля защиты.

Глава 8

– Ваше имя?

– Абрахам Уилсон.

– Нельзя ли погромче?

– Абрахам Уилсон.

– Мистер Уилсон, вы убили Реймонда Торпа?

– Да, мэм.

– Не расскажете суду, по какой причине?

– Он хотел прикончить меня.

– Но мистер Торп был значительно ниже ростом. Вы действительно считаете, что он мог убить вас?

– Он напал на меня с ножом, что давало ему перевес.

Дженнифер вынула из ящика два предмета: остро заточенный мясницкий нож и металлические щипцы. Она подняла нож.

– Именно этим предметом угрожал вам Реймонд Торп?

– Протестую! Ответчик не может знать...

– Перефразирую вопрос: похож этот нож на тот, которым вам угрожал Реймонд Торп?

– Да, мэм.

– А эти щипцы?

– Да, мэм.

– И когда он напал на вас, вооруженный этими двумя предметами, вы были вынуждены убить его, чтобы спасти

свою жизнь?

– Да, мэм.

– Спасибо. Окружной прокурор, свидетель ваш.

Ди Силва поднялся и медленно двинулся к месту для дачи свидетельских показаний.

– Мистер Уилсон, вы ведь убивали и раньше, не так ли? Я имею в виду, что это не первое ваше убийство.

– Я сделал ошибку и расплачиваюсь за это. Я...

– Избавьте нас от ваших проповедей. Отвечайте «да» или «нет».

– Да.

– Значит, жизнь человека не имеет для вас большой цены.

– Неправда. Я...

– Вы совершили два убийства и считаете, что цените человеческую жизнь? Скольких же вы убили бы, если бы не ценили ее? Пять человек? Десять? Двадцать?

Он явно дразнил, подначивал Абрахама, и тот слепо шел в ловушку. Челюсти его были сжаты, а лицо исказилось гневом.

«Будь осторожен!» – думала Дженнифер.

– Я убил всего двух человек.

– Всего?! Всего двух? – Окружной прокурор в притворной досаде покачал головой и подступил к ответчику еще ближе. – Бьюсь об заклад, ваш рост и вес позволяют вам прекрасно сознавать собственную силу. Чувствовать себя в чем-то подобным Богу. Каждый раз, стоит только захотеть, вы от-

нимаете жизнь, то здесь, то там...

Абрахам поднялся во весь рост:

– Ты сукин сын...

«Нет, – взмолилась Дженнифер, – не надо!»

– Сядьте! – прогремел Ди Силва. – Именно так вы потеряли самообладание, когда убивали Реймонда Торпа?

– Торп пытался убить меня.

– Этими орудиями?

Ди Силва поднял нож, щипцы и, повернувшись к присяжным, с презрительным видом ими повертел.

– Они не выглядят такими уж опасными. Если покойный сумел бы ударить вас этим по голове, вы заработали бы небольшую шишку, и то сомнительно. Кстати, для чего эти щипцы, мистер Уилсон?

– Это яйцедробилки, – тихо ответил подсудимый.

Присяжные отсутствовали восемь часов.

Ди Силва и его помощники воспользовались этим, чтобы уйти на перерыв, но Дженнифер словно прилипла к месту, не в силах встать.

Как только присяжные вышли, Кен шагнул к Дженнифер:

– Как насчет чашечки кофе?

– Мне в горло ничего не полезет.

Она боялась пошевелиться, смутно сознавая, что кругом толпятся люди. Все кончено. Она сделала что могла.

Дженнифер закрыла глаза и попыталась молиться, но

страх затмевал все. Ощущение было такое, что и ее вместе с Абрахамом Уилсоном приговорили к смерти.

Лица вернувшихся присяжных были мрачными и угрюмыми, и сердце Дженнифер забилося сильнее. Судя по всему, обвинительный приговор неизбежен. Она боялась упасть в обморок. Ее подзащитного казнят из-за нее. Ей вообще не следовало браться за это дело! Она, должно быть, безумна, если посчитала, что сможет победить такого опытного юриста, как Роберт Ди Силва!

Ей хотелось подбежать к присяжным, пока они еще не произнесли приговор вслух, и сказать: «Погодите! Абрахама Уилсона судили несправедливо! Пожалуйста, назначьте ему другого защитника! Лучшего, чем я».

Но разумеется, было уже слишком поздно. Дженнифер украдкой бросила взгляд на Уилсона. Он был неподвижен как статуя. Теперь она не замечала исходившей от него ненависти. Его переполняло глубочайшее отчаяние. Чем утешить Уилсона?

Слов у нее не нашлось.

– Присяжные вынесли приговор? – спросил судья Уолдман.

– Да, ваша честь.

Судья кивнул. Пристав подошел к председателю жюри, взял у него листок бумаги и вручил судье. Сердце Дженнифер так и рвалось из груди. Она не могла дышать. Ей хоте-

лось остановить это мгновение. Заморозить в вечности.

Судья изучил листочек, после чего медленно обвел глазами зал заседаний. Его взгляд по очереди останавливался на членах жюри, на Роберте Ди Силве, на Дженнифер и, наконец, на Абрахаме Уилсоне.

– Ответчик, встаньте, пожалуйста.

Абрахам поднялся, медленно и устало, словно вся энергия вытекла из него.

Судья снова поднес к глазам бумагу с приговором:

– Жюри присяжных считает Абрахама Уилсона невиновным в совершенном преступлении.

На секунду в зале воцарилось молчание, но дальнейшие слова судьи утонули в поднявшемся реве. Дженнифер, по-трясенная, уставилась на судью, не веря собственным ушам, потом повернулась к Абрахаму. Какое-то мгновение он смотрел на нее злобными маленькими глазками... и вдруг на уродливом лице появилась широкая улыбка. Он сжал Дженнифер своими лапищами, а она попыталась сдержать слезы.

Представители прессы окружили Дженнифер, прося сделать заявление, осыпая ее вопросами.

– Что вы чувствуете сейчас? Каково это – выиграть дело у окружного прокурора?

– Вы с самого начала знали, что все повернется в вашу пользу?

– Что вы сделали бы, если бы Уилсона послали на элек-

трический стул?

Но Дженнифер только молча качала головой. Она не могла заставить себя заговорить с ними. Они явились сюда как на спектакль – посмотреть на человека, обреченного на смерть. Если бы приговор оказался другим... но нет, она не могла думать об этом.

Дженнифер стала собирать бумаги и складывать в портфель.

К ней подошел пристав:

– Судья Уолдман хочет видеть вас в своем кабинете, мисс Паркер.

Она совершенно забыла, что ее ждало наказание за неуважение к суду, но теперь это казалось неважным. Единственное, что имело значение, – оправдательный приговор Абрахаму Уилсону. Это она спасла ему жизнь!

Дженнифер посмотрела в сторону прокурорского стола. Ди Силва яростно заталкивал бумаги в портфель, отчитывая кого-то из помощников. Он поймал взгляд Дженнифер, и то, что она прочла в его глазах, не требовало расшифровки.

Когда Дженнифер вошла, судья Лоуренс Уолдман сидел за письменным столом.

– Садитесь, мисс Паркер, – коротко велел он.

Дженнифер послушно села.

– Я не позволю ни вам, ни кому-то другому превращать мой зал заседаний в арену для цирковых представлений.

Дженнифер вспыхнула:

– Я нечаянно оступилась. Я не хотела...

– Прошу вас, избавьте меня... – поднял руку судья.

Дженнифер плотно сжала губы.

Судья подался вперед.

– Еще одно, чего я не потерплю в суде, – это наг-лость.

Дженнифер молча, настороженно наблюдала за ним.

– Сегодня днем вы перешли все границы. Понимаю, избыточное рвение было вызвано стремлением спасти жизнь человеку. Только поэтому я решил не наказывать вас за неуважение к суду.

– Спасибо, ваша честь, – выдавила Дженнифер.

Лицо судьи было бесстрастно.

– Когда очередной процесс заканчивается, – добавил он, – у меня появляется ощущение, действительно ли восторжествовало правосудие или нет. В этом случае, откровенно говоря, я ни в чем не уверен.

Дженнифер смотрела на него, ожидая продолжения.

– Это все, мисс Паркер.

Дженнифер Паркер вновь стала героиней вечерних изданий газет и новостных телеканалов. Только на этот раз ее превозносили. Она превратилась в Давида юрис-пруденции, свалившего с ног Голиафа. Снимки Дженнифер, Уилсона и Ди Силвы украшали первые страницы газет и журналов. Дженнифер жадно поглощала каждое слово репорта-

жей, словно пробовала на вкус. Как сладка победа после пережитого позора!

Кен повел ее на ужин в «Улучо», чтобы отпраздновать великое событие, и там ее узнали не только метрдотель, но и посетители. Незнакомые люди называли ее по имени и поздравляли. Головокружительный успех!

– Ну и какво это – быть знаменитостью? – ухмыльнулся Кен.

– Я... потрясена.

Кто-то прислал бутылку вина на их стол.

– Мне не нужно спиртного, – проронила Дженнифер. – Кажется, я уже пьяна.

Но она так хотела пить, что залпом осушила три бокала вина, пока обсуждала с Кеном детали процесса.

– Я жутко боялась. Знаешь ли ты, что это такое – держать чью-то жизнь в своих руках? Все равно что играть роль Бога. Разве можно придумать что-то страшнее? Я приехала из Келсо... нельзя ли заказать еще бутылку?

– Все, что угодно.

Кен устроил целое пиршество, но Дженнифер была слишком взволнована, чтобы есть.

– Знаешь, что Уилсон сказал мне при первой встрече? Посоветовал попробовать влезть в его шкуру, а сам он готов влезть в мою, и тогда мы потрындим о ненависти. Кен, сегодня я была в его шкуре. И мне казалось, что присяжные намерены приговорить меня. Чувствовала себя как перед каз-

нью. И сейчас я люблю Абрахама Уилсона. Можно мне еще вина?

– Ты ничего не ешь.

– Я пить хочу.

Кен с тревогой наблюдал, как Дженнифер наполняет и осушает бокал за бокалом.

– Полегче, детка.

Она жизнерадостно отмахнулась.

– Это калифорнийское вино. Чуть крепче воды. – Дженнифер сделала большой глоток. – Ты мой лучший друг. А тебе известно, кто мой первый враг? Великий Роберт Ди Силва. Ди Сивла.

– Ди Силва.

– Он ненавидит меня. Видел его лицо сегодня? О-о, он просто взбесился. Пообещал выгнать меня из суда. Но у него ничего не вышло, верно?

– Верно, он...

– Знаешь, что я думаю? Знаешь, о чем я действительно думаю?

– Я...

– Ди Силва считает, что я Ахав, а он – белый кит.

– Думаю, все наоборот.

– Спасибо, Кен. Я всегда могу на тебя рассчитывать. Разопьем еще бутылочку?

– Не считаешь, что с тебя достаточно?

– Киты всегда хотят пить, – хихикнула Дженнифер. – А я

большой старый белый кит. Я говорила тебе, что люблю Абрахама Уилсона? Я смотрела в его глаза, Кен, друг мой: он прекрасен. Прекраснее мужчины я не знаю. А ты когда-нибудь смотрел в глаза Ди Силвы? О-о! Такие холодные! Он настоящий айсберг! Но человек неплохой. Я говорила тебе об Ахаве и большом белом ките?

– Говорила.

– Я люблю старика Ахава. Люблю всех. И ты знаешь п'чему, Кен? Птму чт' Абрахам Уилсон сегодня жив. Он жив, а мы закажем еще бутылочку...

Было уже два часа ночи, когда Кен отвез Дженнифер домой, помог подняться на четвертый этаж, в ее крохотную квартирку, после чего едва отдышался.

– Знаешь, – пробормотал он, – это вино сильно на меня подействовало.

Дженнифер с жалостью посмотрела на него:

– Людям, которые в два счета пьянеют, не следует пить.

С этими словами она отрубилась напрочь.

Очнулась Дженнифер от пронзительного телефонного звонка и осторожно потянулась к трубке. Но даже самое легкое движение посылало взрывы боли по каждому нервному окончанию в ее теле.

– 'лло...

– Дженнифер, это Кен.

– Пр'вет, Кен.

– У тебя ужасный голос. Ты нормально себя чувствуешь?
Она немного подумала.

– Не совсем. Который час?

– Почти полдень. Тебе лучше приехать. Тут черт-те что творится.

– Кен... кажется, я умираю.

– Послушай меня. Встань с постели... медленно... прими две таблетки аспирина, прими холодный душ, выпей чашку горячего черного кофе и, возможно, останешься жива.

Дженнифер действительно стало немного легче. Не совсем хорошо, но лучше. Час спустя она появилась в офисе. Оба телефона разрывались от звонков.

– Это тебя, – ухмыльнулся Кен. – Ни на секунду не замолкают. Тебе нужен коммутатор!

Звонили из газет и журналов, теле- и радиостанций по всей стране. Каждый репортер добивался интервью, все издания хотели дать подробную статью о ней. За одну ночь она стала главной новостью Америки. Были и другие звонки, те, о которых она мечтала. Адвокатские фирмы, которые прежде не хотели о ней знать, спрашивали, когда ей удобнее прийти на собеседование.

А в это время Ди Силва бесновался в своем офисе, вопя на первого помощника:

– Я требую немедленно завести конфиденциальное досье

на Дженнифер Паркер! Сообщайте о каждом клиенте, которому потребуются ее услуги. Ясно?

– Да, сэр.

– Шевелитесь!

Глава 9

- Он такой же солдат, как я – гребаная девственница. Простой работяга, знаю я его!
- Эта драная задница мел передо мной языком. Просил замолвить словечко перед Майком. Я сказал: «Эй, земляк, я всего лишь солдат; не знаешь, что ли? Если Майку нужен новый бомбардир, ему не стоит искать его в канаве с дерьмом».
- Он пытался обвести тебя вокруг пальца, Сол.
- Ну я здорово врезал ему по морде! Он не связан с семьей, а в этом бизнесе если у тебя нет связей, то ты ноль без палочки.

Собеседники находились на кухне трехсотлетнего голландского фермерского дома, в северной части штата Нью-Джерси. Всего их было трое: Ник Вито, Джозеф Колелла и Сальваторе Фьоре, то есть Цветочек.

Ник Вито, скелетоподобный человек с тонкими, почти невидимыми, губами и глубоко посаженными зелеными, абсолютно мертвыми глазами, имел привычку носить двухсотдолларовые туфли с белыми носками.

Джозеф – Большой Джо – Колелла, огромный гранитный монолит, имел самый устрашающий вид, и, когда он шел, казалось, что высотное здание тронулось с места. Кто-то однажды сравнил его с огородом: «Нос картошкой, кочаны цветной капусты вместо ушей и мозг величиной с горошину».

У Колеллы был тихий тонкий голос и обманчиво мягкие манеры. Он владел скаковой лошадю и имел необыкновенный талант ставить на потенциальных победителей. Колелла – человек женатый – имел шестерых детей и специализировался на пистолетах, цепях и кислоте.

Жена Джо – Кармелина – была истовой католичкой, и по воскресеньям если Колелла не работал, то неизменно сопровождал семейство в церковь.

Третий, Сальваторе Фьоре, был почти карликом. Ростом всего пять футов три дюйма, он весил сто пятнадцать фунтов. Природа наделила его невинным лицом мальчика из церковного хора, но он одинаково ловко управлялся с пистолетом и ножом. Женщины буквально вешались ему на шею, и он гордился тем, что помимо жены у него было с полдюжины близких приятельниц и красивая любовница. Фьоре когда-то был жокеем и работал на ипподромах от Пимлико до Тихуаны. Когда распорядитель скачек вышиб Фьоре за то, что опоил лошадь перед скачками, тело распорядителя неделю спустя нашли в озере Тахо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.